

Путь офицера

Автор:

Алексей Гришин

Путь офицера

Алексей Гришин

Вторая дорога #2 Попаданец (АСТ)

Продолжение истории ветерана российской контрразведки, превратившегося в юного барона из магического мира. Он мечтал о спокойной жизни, но оказался втянут в интриги сильных мира сего. Лишился дворянства, но не упал на дно. Теперь у него одно желание – отслужить пару лет в тихой горной крепости и превратиться в мирного горожанина.

Но мы не властны над судьбой, лишь путь, ведущий к ней, в наших руках. Путь чести или предательства, сострадания или равнодушия. Только он, но кто сказал, что этого мало?

Алексей Гришин

Путь офицера

© Алексей Гришин, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Мы встречаем свою судьбу на пути, который выбираем, чтобы уйти от нее.

Жан де Лафонтен

Предисловие автора

Прошло три месяца с того славного дня, когда я наконец закончил первую часть истории моего соотечественника и коллеги, бывшего полковника госбезопасности Бориса Воронина, волею судьбы и продвинутого мага – виконта Транкавеля, оказавшегося в параллельном мире, в стране Галлии, столь похожей на нашу Францию начала XVII века.

По врожденной наивности я искренне полагал, что главное – книгу написать, остальное сложится само. Оказалось – дудки. Выверка текста, редактирование, работа с бета-ридером, кстати, отдельное спасибо Софье Мулеевой, эти круги ада заняли времени и сил, пожалуй, больше, чем само создание книги. Я не жалею, просто объясняю, почему не сразу приступил к работе над продолжением.

И образовавшееся окно дало возможность осмыслить, насколько получившийся роман соответствует самому жанру фэнтези, его традициям и ожиданиям читателей. Поэтому я зарегистрировался на нескольких форумах, где под различными никами включился в жаркие дискуссии по этой теме. А поскольку, как известно, нет пророка в своем отечестве, я залез и на иностранные, в частности – французские.

И вот на одном из них я обратил внимание на аватар одного участника под ником Истинный Маг. Дело в том, что в доставшихся мне бумагах, точнее дневниках, их автор зарисовал гербы некоторых стран и дворянских домов своего нового мира. Так вот аватаром Истинного Мага был... герб герцогов де ла Гер!

Надо сказать, что к тому времени я продолжал считать дневники Воронина интересной, хотя и бессмысленной мистификацией и мечтал найти их

настоящего автора. Соответственно, упустить такой шанс не мог и написал в ветке, созданной Истинным Магом, простенькое и совершенно пустое сообщение, которое никак не могло заинтересовать участников дискуссии. Но вот своим аватаром я взял герб Галлии. И уже на следующий день получил в личке письмо из двух слов: «Ты кто?».

Грешен, пару дней тупил, отделяясь общими ответами, но вот от собеседника... В приходивших мне постах чувствовалась такая боль... Конечно, переписка позволяет легко внушить любые эмоции, но все же, что я терял? Если мое творение будет популярным (а вдруг?!), о записках узнают многие, так чего скрывать? Названную в дневниках фамилию героя я изменил, но все остальное действительно написано в его тетрадях. Ну, узнают о нем еще и во Франции, и что?

Чем хорош наш век – люди могут общаться, наплевав на границы и расстояния. И вот я захожу в скайп, набираю адрес и мне отвечает... монашенка! Представившаяся послушницей монастыря Валь – д'Иньи сестрой Лилиан, в миру Лилиан Геррай, а когда-то... герцогиня де ла Гер!

Вот так, запросто, я переписываюсь с герцогиней из другого мира? Да еще той самой, что участвовала в нападении на родовой замок героя моей книги? Интриганкой, сломавшей его судьбу, превратив юного барона де Безье, кавалера высшей награды Галлии в безродного сержанта Ажана?

И как я должен был на это реагировать? Да просто – оформил турпоездку в славный град, прости господи, Шалон-ан-Шампань, куда и прибыл через три недели.

Естественно, я волновался перед встречей, ожидал чего угодно, включая знаменитое – «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера!» Но точно не того, что произошло на автовокзале. Молодая, скромно одетая женщина бросилась мне на шею с такими слезами счастья! И всю дорогу до гостиницы говорила, говорила... Бедный таксист, по-моему, решил, что везет сумасшедшую. Я бы тоже так подумал, если бы не ее речь. Язык отличался от французского и полностью совпадал с тем, которым были написаны дневники. Причем на этом «эсперанто» она говорила только со мной – с остальными на классическом языке Вольтера и Гюго, разумеется, в современном варианте.

А дальше две недели каждый день мы проводили вместе, и сестра Лилиан рассказывала, объясняла. Жестко, иногда жестоко по отношению к себе, возможно – правдиво. Только ни одного колдовства показать не могла. Почему? Это она тоже объяснила.

Так что над продолжением истории моего, а теперь уже и нашего героя мы работали вместе. Вначале в Шалон-ан-Шампань, затем по интернету. Но вот ставить свою подпись под произведением она отказалась категорически. Не к лицу будущей монахине писать фэнтэзюшки, даже если в них чистая правда. Так что, уважаемые читатели, не удивляйтесь, что стиль романа изменился, Просто помните, что за этими строками стоит красивая девушка, послушница одного из французских монастырей сестра Лилиан, представившаяся мне герцогиней де ла Гер.

Вступление

Звон колокола на башенке здания ректората... Как это привычно и как же это надоело. На улице темно и холодно, постель такая теплая и уютная, но надо вставать. Тем более сегодня. Два дня прошло с той злополучной дуэли и две ночи Лилиан не могла спать. Душила... злость? ненависть? отчаяние? Или все сразу и что-то еще, чему и названия не подобрать?

И как он посмел?! Тупой вояка, захолустный барончик, грязь под ногами, ее, герцогиню, в лицо! Да за такое виселица – великая милость! Жаль – нельзя. Она тогда действительно увлеклась, на суде могут уже ей предъявить покушение на убийство, пусть и на дуэли, но ведь учебной. Не докажут ничего, конечно, но тень на семью будет брошена. А род де ла Гер должен быть безгрешен, что бы ни случилось. Такова плата за титул, иначе нельзя.

Но почему?! Все было так здорово, она побеждала, Господи, как же это было здорово – чувствовать власть, свободу творить любые заклятья, осознавать свою неуязвимость! Держать в руках саму жизнь противника!

А этот, с позволения сказать, однокашник, серость помойная, ведь идеальная кандидатура – слаб, ну относительно нее, конечно, и нет за ним никого. Подумаешь, досталось бы ему, и что? В конце концов, секунданты молчали, ее

никто не смел остановить!

Ведь все так удачно складывалось. Пройти мимо, споткнуться о ногу, якобы специально подставленную, упасть, как научили ее новые знакомые – с грохотом, но совершенно не больно. После этого обвинить несчастного шевалье в том, чего тот и в мыслях не держал, и, разумеется, с сожалением, вроде как она сама и не хотела, но честь рода требует... да, именно с сожалением вызвать на дуэль. Учебную, само собой, под контролем преподавателей, которые, конечно, не допустят ничего страшного, а как же. Как будто они отличат легкий укол от полновесного смертельного удара. Конечно, есть и такие, только в тот момент их рядом не оказалось.

Да и зачем – герцогиня де ла Гер девушка приличная, тихая, в драки не лезет. В Морле во всяком случае. А уж там, ну не рассчитала удар, бывает, нас, поди, не в клерки готовят – в боевые маги, однако.

И все бы получилось!

Если бы не этот де Безье... Пока еще де. Но ничего, пусть суда не было, Лилиан сама вынесла приговор. Окончательный.

Интересно, сколько он теперь проживет? Пока рекорд – девять дней, вот пусть и помучается перед смертью, пусть каждую секунду страдает, а потом сам, своими ручками...

Все-таки здорово она тогда папе мозг завернула. Получив голубиную почту, разъяренный как раненый бык, он примчался на взмыленном коне и сразу потребовал казнить мерзавца! Прекрасно, но для казни нужен суд и суд публичный. Кто знает, что могло на нем вскрыться? Хорошо, если только азарт на дуэли, а вдруг всплывет приключение в Окситании? Только не это!

Пришлось выкручиваться, играть, с видом доброй девочки и послушной дочери умолять родителя смягчить разгневанное сердце, не доводить дело до суда. Да, это была великая интрига, величайшая в ее, пусть пока и молодой, но такой рискованной жизни! О, как она была убедительна, как правдива! Нет, не напрасны были те походы за зеркало. Пусть сюда не удалось пронести волшебные вещи из того странного мира, но знания, опыт его людей – он с ней и он работает!

И все получилось! Дворянства лишают не по приговору, достаточно королевского решения. Как уж удалось отцу убедить ректора, этого «великого», кретина от магии, ей не известно, но придумку о согласии короля на лишение дворянства он скушал и даже запивать не стал.

И вот сегодня все состоится. Сегодня она выкинет из памяти навсегда и этот удар и тот, в этом проклятом Безье. А ведь там наверняка тоже был он! Лилиан вспомнила боль, вспышку перед глазами, ужас падения и страх, жалкий, липкий страх, заставивший ее забиться в угол конюшни, зарыться в вонючее сено и дрожать в ожидании поимки. Тогда удалось уйти – сказались тяжелые тренировки и неожиданно обретенные знания. Удалось – но память осталась. Боль и страх – они живут в ней с того момента, но сегодня они уйдут. Навсегда. Приговор и ритуал для виновного, как награда свыше, выкинут их из ее сердца.

Да, все будет по ее желанию! Все запомнят, как перечить герцогине де ла Гер! И не потому, что она дочь Хранителя – она сама по себе опасна!

Но почему нет радости?

За годы, проведенные в Морле, Лилиан привыкла к одиночеству. О чем говорить с плебеями? Это они ищут ее покровительства, заискивают. Не все, конечно, но многие, а другие просто держатся в стороне. Единственная ученица, лучшая ученица, да еще и герцогиня, все нормально, правильно, на что еще можно рассчитывать?

Только де Салданья, мальчишка на три года моложе ее, кастильский гранд. Единственный равный ей, единственный, с кем удавалось просто поболтать, теперь в его взгляде ненависть. Как? Почему? Это же ее оскорбили, ее унизили, ей было больно! А он не отходит от гауптвахты, чего-то ждет, на что-то надеется. И другие... Вокруг образовалась пустота. Никто не упрекает, естественно, кто бы посмел, но... даже в глаза никто не смотрит, даже прихлебатели, даже педагоги, даже охранники на воротах отводят взгляд.

К демонам их всех, плевать, она сильная, она лучшая, она все выдержит, она всем, всем докажет!

Лилиан в слезах упала на кровать. В этот день юная герцогиня де ла Гер из своей комнаты не выходила.

Глава I

Господин майор де Баон скучал. Черт бы побрал того столичного умника, что упек выпускника Клиссона в это захолустье, да еще и реформистами контролируемое! Ни достойного общества, ни культуры. Да здесь даже в церковь не сходить, ибо для истинно верующего молиться вместе с реформистами грех, но больше-то негде! Ближайший храм в полусотне километров, а дома – какая молитва? Может, потому и не слышит господь его просьб о переводе в приличное место.

А как хорошо начиналось. Когда удачливого командира разведки Пьемонтского полка вызвали в Париж, надежды были самыми радужными. Знать, в самой столице узнали о лихом лейтенанте, сумевшем уничтожить штаб запасного испанского полка в ночь перед битвой при Бапоме. И пусть не было в том сражении победы, но ведь и не проиграли галлийцы! Так что входя в здание военной коллегии, ждал де Баон нового назначения с восторгом юного любовника. И не беда, если не оставят в столице.

С горькой усмешкой вспомнил майор тот светлый кабинет и нарядного черноволосого вельможу с благородной сединой на висках.

– Господин лейтенант, вы прекрасно показали свое умение наносить удары. Теперь предстоит их отражать. Вы назначены комендантом крепости Сен-Беа, которая перекрывает единственную пригодную для продвижения войск дорогу, идущую из Кастилии через Пиренеи. По сути, это ключ к долине реки Гаронны. Прорыв противника там сделает беззащитными всю Гасконь и юг Окситании. Также вам надлежит наладить приграничную разведку, об оперативной обстановке на сопредельной территории докладывать ежеквартально. Ведя боевые действия с Кастилией на северо-востоке, мы не имеем права пропустить удар на западе. К новому месту службы убыть немедленно, господин капитан. Поздравляю с повышением!

Да... И ведь претензии никому не предъявишь – второе звание получил досрочно, жалованье отличное, платят исправно, но вот тоска здесь... жена сбежала еще год назад. И тоже не поспоришь – сына надо учить, а в этой дыре

ни одного учителя. А самое обидное – непонятно, зачем де Баон здесь нужен. Ну, ловят его ребята контрабандистов с мелким хабаром. Так их даже в суд передавать стыдно – своего нет, а отправлять эту мелочь под конвоем в Сен-Годенс – только перед реформистами позориться. Легче своими силами выпороть. Ну и если кто посмышлёнее – поспрашивать о ситуации за кордоном, потом отписаться в Париж. Только ведь для этого не надо в такой глуши целого майора держать. Одно слово – тоска...

За окном четвертый взвод занимался фехтованием. Господи, словно мало для уныния нудного мелкого дождя, который, кажется, никогда не кончится, так еще и любоваться на этих... Три боеспособных взвода сколотить получилось. Не будем говорить, сколько сил на это ушло, но, не дай бог чего, на этих положиться можно. А вот четвертый – болото и есть болото, никакие взыскания на них не действуют. Особенно капральство Жаме. Вон они, даже на этом убогом фоне выделяются криворукостью и откровенной ленью, тьфу, смотреть противно на это непотребство.

А ведь Жаме – старый рубака, и награды имеет, и службу знает, да видно стар уже, скоро его последний контракт заканчивается, и на пенсию. Видно и силы не те, да и пыл иссяк. Может, взять его ординарцем? Майору положено, да и мужику будет полегче. Только вот на кого поменять?

О! Кажется, сейчас будет цирк. К открытым воротам подъехал всадник, видать, хочет пройти, бедняга. Да только на воротах старшим капрал Турнье, а этот любитель над приезжими поизмываться, помариновать у шлагбаума... Год назад инспекцию из Тулузы час в крепость не пускал, и ничего ему за это не было – все стервец по Уставу делал. А здесь, похоже, мальчишка, наверное посыльный. Ну, ничего, пусть помокнет – авось не растает, зато у ребят какое-никакое развлечение.

Однако! Парень прошел, да не просто прошел – сам Турнье его сопровождает. Это что, герцог какой к нам в гости прибыть изволил? На всякий случай изобразим напряженную работу – майор расстелил на столе схему крепости, в живописном беспорядке разбросал какие-то документы и с задумчивым видом принялся читать первую попавшуюся бумагу.

В дверь постучали и вошедший Турнье, вытянувшись в струнку, доложил:

– Сержант Ажан с пакетом от начальника Клиссонской академии!

– Свободны, капрал.

Сержант? Де Баон скептически посмотрел на вошедшего. Высокого роста, но не гигант, темноволос, но не брюнет, а главное вызывающе, непозволительно молод. Такому и капралом быть не по годам, да что капралом – служивые солдаты его к своему кругу близко не подпустят. Но если сам де Ри прислал... да, интересный мальчик.

– Давайте, что у вас.

Господи, хоть что-то новое. Посмотрим. Так, мальчишка – солдат охраны Клиссона, дослужился до капрала... с девкой накосячил, ну, это знакомо... переведен в армию с повышением. Зато службу знает... смышлен... грамотен! даже знает арифметику! может командовать... Что же, де Ри такими словами не разбрасывается. О, даже успел повоевать с савойцами и, главное, неплохо фехтует! И это по меркам Академии! Это когда же он успел?

– Вам сколько лет, сержант?

– Восемнадцать, господин майор!

– И вы уверены, что можете командовать опытными солдатами? – де Баон добавил в голос иронии.

– В этом уверен господин полевой маршал, я не могу сомневаться в его словах!

Стоит вытянувшись, смотрит прямо, играет в тупого служаку... если бы не хитринка в глазах, задорная такая, интересная. Что же, нахальство присутствует, для начала неплохо, а дальше поможем – хороший фехтовальщик всегда нужен. Если мальчишка еще и командовать сможет, придется старому усачу хорошего вина послать. Не забыл просьбу, выручил.

– Каким оружием владеешь? – смягчившись, майор перешел на ты.

– Рапира, сабля, мушкет, лук – уверенно. Шпага – в рамках общих требований.

- Странный набор. И откуда сабля и лук?

- Батюшка много на востоке воевал, с детства меня учил.

- Чем занимался в Клиссоне?

- Всем понемногу, господин майор. Охрана, участие в учениях курсантов – то их по лесам ловили, то от них прятались. Иногда фехтовал с ними, если кому пары не хватало.

- То есть ходить по лесам умеешь? Это хорошо, осталось научиться ходить по горам, надеюсь – сможешь, с таким-то опытом.

- Итак, – комендант подошел к висящей на стене карте, – крепость Сен-Беа построена для защиты от возможного прорыва противника в долину Гаронны. Найдется ли в Кастилии идиот, который решится штурмовать это ущелье, или нет, я не знаю, но не дай тебе бог, парень, распустить своих подчиненных. Поверь, я страшнее всей кастильской армии... Далее, гарнизон состоит из четырех пехотных взводов, артиллерийского и тылового капральств и санчасти. Офицеров трое – я, мой заместитель лейтенант де Фье и командир артиллеристов, если эти пять несчастных пушек можно назвать артиллерией. Есть еще должность офицера-мага. Жаль, что самого мага нет и, скорее всего, не будет.

Все командные должности заняты, но на днях я стал майором, а майору уже положен ординарец с неплохим, кстати, окладом. Ты для такой синекуры молод, а вот нынешний капрал из четвертого взвода за двадцать лет ее, безусловно, заслужил. А взвод я тебе не доверю, сперва покомандуй капральством, покажи себя. Ну, пойдем, сержант, буду радовать личный состав. А вечером посмотрим, как ты железяками ковырять умеешь.

Через пять минут солдаты рассматривали своего нового командира. За годы службы все привыкли, что в четвертый взвод ссылают либо самых старых, либо самых бестолковых. Вот и капрал Жаме, отрабатывая свой последний контракт, думал только о пенсии и старался не попадаться начальству на глаза. Потому и народ лишний раз не дергал – нет к капральству серьезных претензий и ладно. А этот щенок, интересно, за какие заслуги сержантские нашивки получил? Да в

крепости все капралы лет на десять его старше. Что капралы – солдат моложе его нет.

А Жан смотрел на подчиненных и видел на их лицах ту нехорошую усмешку, которую надо стирать немедленно.

– Капральство, по расписанию сейчас занятия с холодным оружием. Сегодня только работа в парах!

Да, слава богу, что это была учеба. На доклад коменданту Жан шел мимо фехтовального поля и отметил, что солдаты, похоже, шпагами владеют. Но это были не его солдаты. Теперь же... вроде взрослые люди, должны понимать, что оружие – это шанс остаться живым. И откуда эта лень? Или это демонстрация отношения к нему? Дескать, кто ты такой, чтобы мы напрягались? Ну что же, воспитание надо начинать с самых ленивых.

Жан взял в руки две палки.

– Ты и ты, – он указал на пару, вяло изображающую фехтование, – работаете со мной. Каждый нанесший укол получает по динарию.

В глазах халтурщиков зажегся азарт. Чтобы они вдвоем не обообрали этого выскочку? Да и проучить его не грех, чтобы знал, щенок, как со старшими разговаривать!

Бой был не очень долгим – минуты две-три. За это время Жан не только не пропустил ни одного укола, но буквально избил противников, орудуя палками именно как палками, чтобы больно было. А в заключение отправил их в глубокий сон двумя ударами ногой с разворота в челюсть. Для эстетики.

– Пострадавших в санчасть. Если еще увижу плохую работу – буду заниматься индивидуально, как с этими. Или есть еще желающие денег заработать?

– С вашего разрешения, господин сержант, я хотел бы попробовать, только без оружия, – по Уставу обратился один из солдат – высокий, жилистый, пластичный, с крепкими кулаками.

– Сейчас работа только с оружием. Завтра посмотрю, чего ты стоишь.

А вечером гарнизон крепости наслаждался изысканным зрелищем – фехтовальным поединком коменданта и нового сержанта. Противники испробовали разное оружие и разошлись довольные друг другом. К радости солдат, де Баон победил, но отнюдь не с разгромным счетом, так что авторитет Жана, как мастера клинка, с тех пор сомнению не подвергался.

Глава II

С этой охоты майор де Баон возвращался в самом скверном настроении. Вроде бы и здорового секача завалили, и серн набили – будет у солдат на столе свежее мясо. Только мысли коменданта были невеселые. Он вообще охоту ненавидел, не видел удовольствия в убийстве зверей. Но эта забава позволяла мотивированно покинуть крепость и долго оставаться в горах одному. Вроде как пошел офицер следы посмотреть.

А вот горы де Баон любил. Завораживают они, манят к себе. И службе помогают. Удобно здесь встречаться с людьми, не стремящимися к популярности. И ради встречи именно с таким человеком была сегодня организована эта охота.

Когда-то влюбился молоденький кастильский солдатик в девушку из Сен-Беа. Влюбился без памяти и взаимно. В другой ситуации проблем бы не было, ну из разных они стран, так на границе это дело обычное, в гарнизоне многие на кастильках женаты и никого это особо не волнует – для жены муж главный, а не король. Только молодая была из семьи упертых реформистов, так что ни о каком родительском благословении речи в принципе не было. И страдали бы ребята от неразделенной любви, если бы не де Баон.

Поймали его молодцы горе-жениха на своем берегу, да еще и в кастильской военной форме. Можно было такой скандал устроить – мечта дипломатов, но молодой комендант дело замял, парня отпустил, да еще и с родителями девчонки поговорил. Что пообещал, чем припугнул – о том история умалчивает, только согласились они на свадьбу. Невеста перешла в Святую Церковь и сейчас живет с мужем в ближайшем кастильском поселке.

А тот солдатик стал ординарцем у командира пограничного гарнизона и раз в месяц встречается с де Баоном в горах, вдали от любопытных глаз, где рассказывает всякое интересное о своей службе.

В этот раз он рассказал о приезде к командиру гарнизона троих человек из самого Мадрида. Один, сразу видно – важный вельможа, на следующий день уехал, а оставшиеся сняли целый дом на окраине поселка, наняли проводника из местных контрабандистов и неделю шастали по пограничным горам. Одеты небогато, по поведению – не дворяне, платят всегда не торгуясь, что в этих местах считается неуважением к продавцу. С местными не общаются, но пару раз заходили к командиру гарнизона и беседовали с ним подолгу.

А вчера все трое ушли в Галлию. До границы их провожали четверо солдат. Где был переход – неизвестно, но солдаты отсутствовали два часа и Гаронну не пересекали.

Вот эти сведения и испортили настроение господину майору. Ясно, что соседи провернули какую-то операцию, но какую? Не напишешь же в докладе, мол, что-то произошло, а что – и сам не знаю. В этих горах трое ловких людей пройдут куда угодно, де Баон это точно знает, сам умеет.

Можно направить в горы дополнительные наряды, только толку от них... У него солдаты, а не следопыты. Их задача – защита крепости в случае войны. Ходят, конечно, в патрули, но больше для порядка, как и кастильцы. Да, ловят контрабандистов, но, как правило, случайно, если на маршруте на кого наткнутся. А найти позавчерашние следы, увы, этому его люди не обучены. Хотя... мальчишка из Клиссона... ведь ловил же он курсантов по лесам, Бог даст, и сейчас справится. И местность, поди, уже выучил, за три-то месяца.

Приехав в крепость и приведя себя в порядок, де Баон вызвал сержанта Ажана.

А он молодец, этот парень, стоит твердо, смотрит уверенно и в тупого служаку играть уже не пытается. Видать, знает себе цену. Только вот синяк под глазом картину портит.

– Сержант, доложите о боеготовности капральства.

– До уровня Клиссона солдатам, конечно, далеко, но к уровню первого взвода приближаемся уверенно, через пару месяцев можем и перегнать. За два месяца ни одного нарушения дисциплины, на занятиях бойцы стараются. У некоторых есть проблемы с физической подготовкой, но это дело поправимое, было бы желание.

– А оно, похоже, есть, – усмехнулся майор и показал на синяк. – Никак кто-то динарий заработал?

– Не дождутся, я слишком жадный, – хитро улыбнулся сержант, – занимаюсь с одним солдатом безоружным боем. Вот тут действительно сплеховал, виноват. Готов понести.

Интересного мне подчиненного де Ри прислал, подумал комендант. Безродный мальчишка разговаривает с дворянином, майором не просто без робости. Нет, все по Уставу, все уважительно, не придерешься, но почему я чувствую себя как минимум ему ровней? Ладно, потом разберемся, сейчас дело поважнее.

– Сержант, ты знаешь, что такое тайна Академии?

– Конечно, господин майор, все служащие роты охраны Клиссона при поступлении проводятся через это заклятие. Только когда господин полевой маршал направлял меня к вам, он как-то его изменил. На разговоры с вами оно не распространяется.

– Слава богу, хоть здесь проблемы не будет. Ты говорил, что на учениях искал курсантов. Значит, организацию патрулирования знаешь и следы читать умеешь?

– Я, конечно, не Дерсу Узала[1 - Дерсу Узала – герой романа В. Арсентьева «По Уссурийскому краю. Дерсу Узала».], но опыт поиска действительно имею.

– Не кто?!

Сержант неожиданно смутился, закашлялся...

– Виноват, господин майор, у нас в деревне один старик жил, кхм... не галлиец, м-да, даже не знаю кто... Только он здорово следы читал, вот его так и звали... А вы что-то хотите мне поручить?

– Вчера с той стороны к нам пришли гости. Не контрабандисты. Куда идут и зачем – не знаю, а узнать надо.

– Какими силами? – сержант посмотрел с откровенной насмешкой.

– Твоими, мой юный друг, твоими. – Майор перешел на неуставной тон, каким до этого разговаривал только с Жаном и только во время фехтовальных занятий. – Захватить их на маршруте, пожалуй, действительно нереально. Но вот отследить, где они перешли границу и куда пойдут – надо попробовать. Вероятно, переход был в пределах пяти-семи километров южнее реки, но не факт, могли уйти и дальше. Так что подбирай людей в патрульную группу и с рассветом вперед – Родина ждет от тебя подвига, – потянувшись и зевая во весь рот, приказал де Баон.

– Сделаем, господин майор. Если сегодня и завтра не будет дождя – найдем. Цель – явно не Сен-Беа, зачем тогда этот огород городить. По дороге они не пошли – чужого на ней сразу заметят. Так что ребята рванули через горы как минимум до Сен-Годенса, а то и дальше. А что, господин майор, удобных маршрутов вглубь Галлии у них два-три. И на всех есть участки, где следов не спрятать. Прошу разрешения создать патрульную группу из своего капральства.

– А твои справятся? Может, из других взводов лучше людей набрать?

– Я бы предпочел своих. Я их знаю, а к другим пока притрешься... Могут, конечно, ошибиться, ну так кто без греха... Прошу разрешения использовать своих.

– Ладно, как знаешь. Да, ваше преследование должно выглядеть как обычный рейд, так что с собой брать как обычно – не более пяти человек. Это требование категорическое. Лучше упустить, чем дать им понять, что мы знаем, кого ловим.

С рассветом Жан и пятеро солдат вышли в поиск. Оружие – шпаги и пистолеты, все как обычно, именно в таких рейдах и отлавливали солдаты контрабандистов. В горах следы остаются не хуже, чем на равнине. Человек не по воздуху летает.

Где паутинку сорвал, где камушек сдвинул, где росу с травы сбил. Только умей смотреть, а Ажан, похоже, умел. Шел не торопясь, словно прогуливался, но смотрел внимательно. Дважды находил чьи-то следы, внимательно рассматривал, разочарованно сплевывал и продолжал путь.

Только километрах в пяти от крепости обнаружили следы троих человек. Шли уверенно, налегке или с небольшим грузом. Все, прогулка кончилась. Одного солдата отправили в крепость с докладом, а остальные начали преследование. Гости оказались людьми опытными – на открытые участки почти не выходили, привалов не устраивали. Тридцать пять километров по горам до Сен-Годенса отмахали без остановки.

А ближе к вечеру на самом подходе к поселку в небольшой лощинке группа Жана наткнулась на свежесобранную кучу камней, а под ней обнаружилось тело мужчины. Обветренное лицо, грубые натруженные руки, недорогая, но крепкая одежда и короткие изношенные сапоги. Недалеко от этой могилы, у ручья, следы гостей хорошо отпечатались. Сапоги жертвы четко совпали с одним из следов. Стало быть, от одного, скорее всего проводника, гости избавились сами. А это значит, что либо кастильцы дорогу запомнили, либо назад пойдут другим путем, если вообще будут возвращаться.

Проводника убили сзади, точным ударом кинжала в левую почку, потом для верности сломали шею. В правом кулаке жертвы обнаружили зажатые несколько вьющихся длинных черных волос. В лощину труп затаскивали, а убили чуть в стороне. Убивал тот, у кого шаг пошире и ступня побольше. Другой, тот, что пониже, в это время стоял прямо перед жертвой и, видимо, волосы принадлежат ему. Что же, хоть какие-то приметы.

– Двое остаются здесь, – приказал Жан, – спрятаться, наблюдать, дожидаться нас, себя не обнаруживать. А мы в Сен-Годенс, сообщим о находке. На будущее, если кто спросит, повторяю еще раз – мы были в обычном рейде, обнаружили следы контрабандистов, начали преследование. Все остальные вопросы – ко мне.

Раньше Жану в Сен-Годенсе бывать не приходилось. Впрочем, самый обычный провинциальный городок, не хуже и не лучше других. Грязные улицы, пьяные крики из таверны. Только неожиданно много военных, причем офицеров и одетых довольно богато. Все выяснилось в комендатуре – вчера прибыла инспекция из Тулузы, по каковой причине, во-первых, все местные находились в состоянии обалдения, а, во-вторых, ни в одной из двух гостиниц не было

свободных мест.

С огромным трудом Жану удалось попасть на доклад к коменданту, в кабинете которого в этот момент сидело несколько офицеров в дорожной, но достаточно дорогой одежде. Впоследствии Жан и сам не мог понять почему, но он представился командиром патруля, преследовавшего обычных контрабандистов. Вот не понравилось ему что-то в гостях коменданта. Вроде и новость не рядовая, да и совпадение прорыва с приездом инспекции вряд ли могло быть случайным. Но всего не сказал, потому захолустного сержанта с ходу отправили в местную полицию и забыли о нем.

Таким образом, Жан Ажан впервые в жизни имел честь беседовать с настоящим галлийским полицейским. Основываясь на рассказах знакомых, он ожидал встретить толстого и усатого дядьку, больше думающего о хорошем застолье и доброй выпивке, чем о службе закону. Однако сержант Жерар был невысок, жилист и явно вымотан. На вошедшего вояку он смотрел с неодобрением, как на еще одно препятствие между собой и желанным отдыхом. И уж тем более его не обрадовала перспектива потемну тащиться в горы за каким-то трупом.

– Сержант Ажан, говоришь, из Сен-Беа? Вот на кой черт ты сюда приперся? Тебе что, за этот труп награда светит? Нет? А какого дьявола ты тогда ноги бил по горам, да еще сюда заявился на ночь глядя, когда добрые люди должны уже о Боге думать и спать готовиться? Ну, в конце концов, если уж так хотел мне нагадить, хоть я не и понимаю за что, ну приди ты хотя бы утром. Нет же, давай, Жерар, собирайся, Жерар, тащись в горы, Жерар, ты ведь об этом всю жизнь мечтал, Жерар. А у меня, между прочим, жена есть, и она меня по ночам желает видеть дома, в своей постели. Гастон, Пепе – взять факелы и носилки, выдвигаемся! Идем надолго, захватите чем перекусить.

По окончании этого жалостливого монолога начальник полицейского участка и двое его подчиненных были готовы к выходу. И в этот момент в участок вошел запыхавшийся вельможа.

– Ну, слава богу, успел. Господа полицейские, я представитель маркиза де Шутта в Тулузе шевалье де Ворг. Именем графа тулузского забираю дело с найденным трупом себе. Сержант, полицейские, прошу проводить меня на место преступления.

От такого напора служивые обалдели. Нет, Жан еще по прошлой жизни знал, что маркиз де Шутт возглавляет галлийскую политическую разведку, и значит этот де Ворг, видимо, его резидент в Тулузе. Но имеет ли он право командовать, и, собственно, откуда такой пыл?

Однако Жерар не растерялся:

– Как прикажете, ваша милость, только, если не возражаете, единственный представитель графа здесь – прево. Мы можем обратиться к нему за подтверждением ваших полномочий?

– Какой, к черту, прево?! Десяток солдат, полицейский, что стоят у твоего участка, вот лучшее подтверждение. А надо будет – поставлю роту. Еще одно возражение, и в этой дыре будет новый начальник полиции!

– Что вы, что вы, ваша милость, я и не думал возражать, кто я такой, – голос Жерара звучал жалко, даже заискивающе, – просто есть процедура... вас ведь нам не представляли...

– Ладно, время дорого, – немного успокоившись, сказал де Ворг, – пошли кого-нибудь к коменданту, он знает мои полномочия. А сами – вперед, пока дождь не начался.

Один из полицейских был направлен к коменданту и нагнал группу уже на выходе из поселка. О результатах его разговора с воинским начальством красноречиво свидетельствовал огромный синяк. Жерар только понимающе вздохнул:

– Подтвердил?

– Подтвердил, – грустно ответил полицейский, потирая подбитый глаз.

А когда прибыли на место... Жан со своими солдатами стоял в стороне, с недоумением взирая на творящееся действие. Де Ворг развил кипучую деятельность, заставив солдат обыскать местность вокруг трупа. Ночью, при слабом свете факелов.

К Жану и его солдатам подошел Жерар с открытой бутылкой вина и котомкой со снедью.

– Подкрепитесь, служивые. От нас здесь все равно толку не будет. Если какие следы и остались, то сейчас их затоптали окончательно. Об убийце мы уже никогда и ничего не узнаем.

– Ну почему, – возразил Жан, – не все так безнадежно, кое-что мы успели рассмотреть днем. Убийц двое. Первый высок ростом, около 180 сантиметров, оставляет след длиной тридцать три с половиной сантиметра, носит обувь на небольшом каблуке. Комплекцией похож на меня – я ставил свой след рядом – глубина одинаковая. Вероятно, левша. Второй сантиметров на десять пониже, худощав, волосы черные, длинные, вьющиеся. Обувь без каблука, длиной сорок один сантиметр. При ходьбе они ставят ногу на пятку, что в горах не принято. Оба либо впервые в Сен-Годенсе, либо долго отсутствовали. Появились только сегодня. Что, мало для поиска? Здесь не Париж, поди, все друг друга знают.

– Так-то так, да сейчас здесь военных понаехало... Попробую, конечно, но без особых надежд. А с другой стороны, пусть у де Ворга голова болит, раз ему так хочется. А ты молодец, наблюдательный. О приметах когда ему доложишь?

– Когда спросит, сам не пойду. Не хочу, как твой парень, глазом дорогу освещать. А ты де Ворга и впрямь раньше не встречал? Что за фрукт?

– Не видел, но слышал. Появился в Тулузе полгода назад из столицы. Никаких вроде должностей не занимает, но наши начальники ему в рот смотрят и почему-то боятся до дрожи в коленках. И еще что интересно – за все время ни одной дуэли. У него, говорят, жена – красавица. Он-то шевалье, а она то ли виконтесса, то ли вообще графиня. Ходят слухи, что кое-кто из наших лихих кавалеров пытался к ней подкатиться, но неудачно. В том смысле, что больше их никто не видел, вот так вот.

– Ну и зачем ты с ним спорить стал? Приключений ищешь?

– Нет, конечно, но порядок должен быть. Иначе зачем я здесь?

Пока шел этот разговор, бестолковая беготня военных закончилась, труп положили на носилки и, по приказу де Ворга, понесли к комендатуре.

На входе в поселок Жерар предложил разместить солдат Жана на ночевку в камерах участка, а его самого пригласил к себе распить бутылочку вина. Однако с этим вышла задержка – де Ворг потребовал подробный отчет, пригласив в дом, где снимал две комнаты с отдельным выходом. Бумагами шевалье не заморачивался, но допрос устроил Жану со всей тщательностью. Пришлось вспомнить и маршрут от крепости, и место, где нашли следы гостей, и о чем разговаривал с солдатами, когда преследовали и когда нашли труп. Единственное удалось утаить, что о нарушении границы знали еще в Сен-Беа, якобы наткнулись на следы случайно, в ходе рутинного патрулирования. Просто преследовали обычных контрабандистов. Ну не хотелось светить агента де Баона перед политической разведкой. Так, из вредности.

Результатом допроса шевалье остался настолько доволен, что лично проводил Жана до крыльца, по-отечески похлопал по плечу и даже вручил факел, чтобы сержант спокойно добрался до ночлега.

И как только Жан отошел от крыльца шагов на пять, слева на него кто-то бросился, словно тень рванулась из ближних кустов, но, к счастью, тень недостаточно быстрая. Жан успел отскочить и отмахнуться факелом, отбив удар длинного кинжала. В бьющемся свете огня стоял невысокий горожанин с длинными вьющимися волосами.

– А, курсант, как мы рады на этот раз! – сквозь зубы прошипел субъект, собираясь напасть вновь.

Достать свой клинок Жан категорически не успевал, а факелом от такого не отобьёшься. С криком на помощь рванулся Жерар, ожидавший на скамейке метрах в тридцати... далеко, не успеть...

И в этот момент из своего дома с рапирой в руках выскочил де Ворг и точным ударом в бок убил нападавшего. Тот даже вскрикнуть не смог.

– Благодарю вас, ваша милость, вы мне жизнь спасли.

– Брось, сержант, давай перенесем его ближе к свету и иди отдыхать. Тебе сегодня досталось. Полицейский, ты? Полиция опаздывает как всегда? – В ночной тиши было слышно, как скрипнул зубами от злости Жерар, но

промолчал. – Проводи хотя бы сержанта, чтобы на него опять бандиты не напали в вашей мирной дыре.

По дороге Жан успокаивал горячего начальника полиции и вспоминал, вспоминал... «Курсант, как мы рады на этот раз». Убийца его узнал, и узнал как клиссонца. Где же они встречались? В Академии он не служил. В таверне «Трезвый сержант»? Среди служащих его не было. Среди посетителей? Но при чем здесь «мы рады на этот раз»? На этот раз...

Есть! Вспомнил! Первая пьянка с курсантами по поводу поступления. Жан тогда ушел раньше, по дороге к замку его догнал... ну да, этот и догнал: «Господин курсант, поздравляю с зачислением, мы так рады, так счастливы...» и убежал. Тогда это было похоже на засаду, только на кого? Проверить так и не удалось – пришлось вернуться в трактир и заставить молодежь идти в Академию до того, как напьются в ноль. Да, видимо, тогда это и была засада, в которой участвовал, а может и командовал, вот этот. И, скорее всего, засада была на де Бомона, графа Амьенского. И если парень не поменял хозяев... Впрочем, это было в другой жизни, до которой сержанту Ажану дела нет. Кажется.

А сержант полиции Жерар оказался хлебосольным хозяином и отличным собеседником. Впрочем, беседой это было назвать неправильно – Жан в основном слушал. И поражался пропасти между тем, что слышал сейчас, и тем, что говорили его прежние знакомые. Оказывается, не все в полиции помешаны на пытках и мздоимстве, развращены ленью и глупостью. Есть, есть те, кто реально пашет, не считаясь с усталостью, довольствуясь невысокой оплатой, с детской мечтой сделать этот мир пусть не чище, но хотя бы безопасней.

Что же, думал Жан, засыпая, может, это и будет моим делом? Потом, после окончания контракта? С такими людьми можно работать, рядом с ними стоит рисковать.

Через два дня майор де Баон выслушивал рапорт юного сержанта. А он молодец – и дело сделал, и докладывает четко, так что вывод из всей этой истории очевиден.

И что же у вас, господин майор, получается? А получается, что из информации агента удалось выжать максимум, что радует. Итак, кастильцы воспользовались

плановой инспекцией и провели операцию по связи. Проводника убили, помощника связного потеряли, но своего добились.

А ведь агент этот не простой! Шутка ли – такие жертвы только для одной встречи. Или не одной, а противник новый канал связи организовал? Впрочем, это уже задачка для столичных умников, а наше дело маленькое – доложить и продолжать служить, пока не отзовут. Господи, как же здесь все надоело!

Глава III

Как бесцельно, бессмысленно проходят лучшие годы жизни, думал сержант Ажан во время очередного приступа хандры. Увы, но, видимо, эти прекрасные горы обладают необъяснимым свойством вводить в уныние людей деятельных и думающих.

В самом деле, до недавнего времени ему скучать не приходилось – капральство, набранное из самых безнадежных солдат, надо было привести в норму. Ну увлекся, ну бывает, только за полгода ребята стали лучшими. И нет в этом никакой магии – просто людей надо учить, учить и учить. Субординация, экзерциция, дисциплина, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, как завещал великий полководец, правда в иное время, в иной стране и другом мире[2 - А. Суворов. «Наука побеждать»]. Но истина везде истина, сработала она и на этот раз.

Только дальше что? Полтора года талдычить одно и то же? Да спятить можно. Или отупеть, что не лучше. И податься некуда. Всех развлечений – фехтование с де Баоном, занятия рукопашкой с пятью солдатами, увлекшимися этой забавой, да стрельба из лука... собирает, конечно, успокаивает, но все это приключения тела.

Единственный очаг культуры, прости господи, таверна в Сен-Беа. Просто таверна, даже название для нее поленились придумать. Место, где коротают вечера сливки общества – местный мэ, его приближенные, проезжающие купцы и целый таможенный пост в составе аж трех человек.

Вообще к таможенникам Жан всегда относился нормально, и здесь, и в той жизни. Государству без них нельзя, да и работа, кто знает, не сахар, если делать ее как надо. Но вот соблазнов вокруг этой службы много. Особенно на таких вот удаленных постах, куда если и доберется случайный проверяющий, то о его приезде за месяц знать будут, встретят как родного. Но уж если слишком тупой да упертый попадется, что же, в горах и обвалы бывают, и разбойнички пошаливают. Потому тупые и упертые в такие места не ездят, ну их, здоровье дороже.

Так что трое в черной таможенной форме являлись людьми уважаемыми, прежде всего – проезжим купечеством. Обычное дело наблюдать, как, угодливо улыбаясь, подсаживались к таможенникам купцы, о чем-то тихо беседовали и на полусогнутых возвращались за свои столики.

Живут же люди, думал Жан, сидя в таверне и глядя на эту теплую троицу. Неожиданно один из таможенников встал и подошел к столику Жана.

– Разрешите присесть, молодой человек?

– Пожалуйста, – ответил Жан, недоуменно пожав плечами.

– Я начальник местной таможни Гаспар.

– Знаю.

Да, когда-то знакомства с Жаном искал мэтр Ренард, глава гильдии купцов Амьена, а теперь вот Гаспар. От лисы к крысе – деградация, однако[З - Renard (франц.) – лиса; gaspard (франц. арг.) – крыса.].

– Я тоже о вас слышан, у нас ведь мирок маленький, все всё друг о друге знают.

– Мэтр Гаспар, при всем уважении, давайте к делу. Вы же не просто поболтать хотите. Да и у меня для пустой болтовни не то настроение.

– Наверное, да, давайте к делу, – явно волнуясь, согласился таможенник, – у меня беда, и я прошу вас о помощи.

- Сочувствую, но почему я? Здесь есть люди и постарше, и поопытней.

- Я же говорю, что мирок у нас маленький. Моя сестра замужем за мэтром Жераром - вы ведь знаете его?

- Уже интереснее, и что он обо мне рассказал?

- Он никогда ничего не рассказывает, если дело касается службы, такой вот молчун, - грустно вздохнув, сказал Гаспар, - просто советовал, что, если случится что-то плохое, и он будет далеко - обращаться к вам. А я верю Жерару.

- Ну, раз верите... что случилось?

- У меня пропал сын.

- В горах?

- Нет. Он зашел ко мне на службу, как обычно в полдень, принес из дома обед, потом пошел домой, но так и не пришел.

- Не вопрос. Сегодня я уже ничего сделать не смогу, а завтра с рассветом пройду вдоль дороги, поищу следы. В конце концов, вы правы, наш мирок мал, надо друг другу помогать, а парень вряд ли ушел далеко. Заблудился, бывает.

- Спасибо, господин сержант, но боюсь, его похитили. Днем жена нашла на пороге дома вот это. - Гаспар попытался передать клочок бумаги.

Рефлекторно Жан удержал его руку.

- Не сейчас, мэтр. Если за нами наблюдают, то похитители видят, что мы просто разговариваем. В этом случае им опасаться нечего. Но вот если увидят, что передаете записку - могут занервничать, а это для парня опасно. Кстати, сколько ему лет, как он выглядит?

– Фиакру десять лет. Ростом метра полтора, худой, черноволосый. Вроде все. Одет в короткие коричневые штаны, коричневую жилетку и белую рубашку. На ногах башмаки тоже из коричневой кожи.

– Глаза карие?

– Да, как у большинства брюнетов.

– Негусто. Ладно, в любом случае я завтра с утра посмотрю дорогу, потом зайду к вам на пост, там и поговорим. Для всех, включая вашу жену, я только следопыт. Сейчас вместе выйдем, на улице передадите мне записку.

Поздним вечером в дверь дома господина де Баона постучали. На пороге стоял сержант Ажан, трезвый до омерзения. И это в то время, когда господину майору и господину лейтенанту де Фье так хорошо. А господину артиллеристу еще лучше – храпит, как сводный духовой оркестр. В Галлии сводных духовых оркестров не бывает, но Жан их помнил, этот храп – точно не слабее.

– Сержант, проходи, наливай. Выпьем за Клиссон! Выпьем за клиссонских девушек! У тебя была в Клиссоне девушка? Ах да, ты же поэтому и здесь, а не в этом благословенном милом городишке!

Жан вспомнил летнюю вонь загаженных клиссонских улиц, и его передернуло.

– Не смею, господин майор, не по чину. Разрешите обратиться. Считаю необходимым доложить вам лично, извините за наглость.

Майор постарался собраться и посмотрел на сержанта более-менее осмысленным взглядом.

– Ну?

– Ко мне обратился мэтр Гаспар, таможенник. У него пропал сын, просил помочь. Прошу разрешения завтра с рассветом выдвинуться с моим капральством на поиски.

– Гаспар, эта крыса! Я к нему несколько раз обращался за помощью, он меня знаешь куда послал?

– Господин майор, но мальчишка...

– Если только мальчишка... Черт с тобой, действуй, о результатах доложишь. А теперь пшел вон, раз с офицерами пить брезгуешь!

– Извините, господа офицеры, но мне с утра голова нужна свежая, вы же понимаете. Да и субординацию нарушать ну не могу я, не приучен.

– Ладно, иди уже, дисциплинированный ты наш. Удачи завтра.

Придя в казармы, Жан еще раз прочитал переданную Гаспаром записку:

«Если хочешь, чтобы твой сын остался жив, принеси тысячу экю в четверг в полдень к подножию белого уступа. Если нет – он умрет».

Вот так, практически мат. Белый уступ – место известное, там молодежь обычно свидания назначает. А к подножию примыкают заросли кустарника, густые как лес. Вышел человек, взял мешочек и исчез. А главное – никакой связи с похитителями, никакой возможности для переговоров. В общем, хреново.

Утром капральство Жана вышло на внеочередное патрулирование. Но пошло не по обычному маршруту. Таможенный пост находился на самой границе, в пяти километрах от Сен-Беа. С одной стороны дороги горная река, там искать нечего, а вот другую сторону осмотрели очень тщательно. И нашли!

В горы ушли двое мужчин и мальчик. Причем взрослые шагали твердо, уверенно, а парень часто спотыкался, даже падал.

Следы шли параллельно дороге, но так, чтобы с нее похитителей не было видно, и уходили на кастильскую территорию. Все, дальше идти нельзя. Кастильцы также вдоль границы патрулируют, и если хотя бы заметят галлийцев, скандал будет страшный. В общем, нельзя и все.

Но, по крайней мере, до границы парня не убили, значит, есть шанс, что он до сих пор жив, можно попробовать поиграть с похитителями. Осторожно, конечно. И, отправив капральство в крепость, Жан пошел к Гаспару.

А ближе к таможне нашлись еще следы. Те же мужчины, но уже пришедшие с той стороны. Какое-то время они прятались в придорожных кустах, а потом подошли к стоявшей на обочине повозке. И еще, простояла эта повозка довольно долго – лошадь переступала ногами, опорожнилась, точно, здесь парня и поджидали. Жан даже руки потер от возбуждения, когда картина сложилась.

– У вас есть новости, господин сержант? – Гаспар выглядел измученным, явно ночью не уснул.

– Следы нашли, его действительно похитили и сразу не убили, так что, скорее всего, он еще жив. Но вот вернут ли его живым – не уверен. Он видел похитителей, может их опознать.

После этих слов Гаспар побледнел, тяжело опустился на стул.

– Мэтр, возьмите себя в руки. – Жан сел пред ним на корточки и посмотрел в глаза. – Его можно спасти, но только если вы мне поможете. И не будете раскисать.

– Что я должен делать? – голос прозвучал слабо, но уверенно.

– В течение двух часов до полудня и часа пополудни кто проезжал через пост в сторону поселка? Не обязательно из Кастилии, возможно, кто-то приехал из Сен-Беа и вернулся. Да, сын долго здесь был?

– Ну, покрутился с полчаса, потом ушел.

– Тогда накинем еще полчаса. Итак?

– Да все равно немного было. Из Кастилии прошел большой караван. Они ушли как раз, когда сын был здесь. Все, пожалуй, остальные проходили пешком.

– И не было никаких повозок?

- Нет, не было, ну кроме той, что привезла сержанта Эрсана.

- Сержант на повозке? В полдень, здесь? Зачем?

- Ну, он сюда иногда приезжает... ну... вы понимаете... не по службе...

- Ясно, забирает свою долю. Товаром? Решайте, чёрт возьми, что для вас дороже - заработок или сын!

Гаспар понуро кивнул.

- Когда он был здесь?

- За час до прихода Фиакра.

- У него крытая повозка?

- Конечно, зачем кому-то видеть, что в ней лежит.

Жан крепко задумался. Сержант Эрсан - командир первого взвода. Лучший командир лучшего взвода. И что теперь? Положим, следы подтвердят солдаты капральства. Плюс показания Гаспара. Для обвинения, пожалуй, достаточно, но мальчишку этим не спасти. И обратиться можно только к де Баону. Он клиссонец, у него мозги работают правильно, а вот у других... Эрсан здесь давно, авторитет у него непререкаемый, так что расскажут ему об измышлениях новичка немедленно. И все, нет парня. А времени в запасе два дня, надо что-то придумывать.

- Когда вы сможете собрать тысячу экю?

- В том-то и беда. Мои деньги в Тулузе. Я физически не смогу их привезти к четвергу.

- Понял. Встретимся вечером. В девять часов я приду к вам домой. Если кто спросит - приходил за гонораром за сегодняшний поиск.

– Разумеется, а сколько я вам должен?

– Будет вам, мэтр. Мирок у нас маленький, всегда найдется как рассчитаться, не берите в голову.

Поговорить с де Баоном Жан смог после обеда в конце тренировки. Их занятия по фехтованию, вызывавшие в первое время интерес у солдат, всем уже надоели, так что подслушивать было некому. Тем не менее де Баон приказал через полчаса прибыть к нему с подробным докладом.

– Вот я как чувствовал, сержант, что с твоим приездом спокойная жизнь у меня кончилась, – майор потер подбородок и по-юношески подмигнул, – но это и хорошо! Однако каков Эрсан! Завел дела с таможенниками так, что я и подумать не мог. Но похищение ребенка, да еще на кастильскую территорию... Ты молодец, что через границу не сунулся, однако что вот теперь делать? Арестовать сержанта, допросить? Боюсь, что мальчишку так не спасем.

– Если позволите, господин майор. Завтра у моего капральства плановый выход на маршрут. Доложим, что увязались за контрабандистами, как в феврале, а сами попробуем вытащить беднягу. Сыграем на их жадности, да и Гаспар поможет. Главное, чтобы никто не узнал.

– Вот откуда ты такой умный? Интересно, кто из нас академию заканчивал?

– Готов выполнить ваш приказ! – Жан вытянулся и с видом лихим и придурковатым уставился на командира.

– Ладно, действуй, – де Баон усмехнулся и махнул рукой. – С Эрсаном разберемся в любом случае, а парня постарайся спасти. Удачи.

Вечером Жан проинструктировал Гаспара, на следующий день капральство вышло на патрулирование и растворилось в горах.

А в четверг в полдень один из похитителей нашел в условленном месте сто экю и записку. «Предлагаю две тысячи экю, если мой сын жив. Я знаю, что он в Кастилии. Завтра в полдень приведите его на левый берег реки напротив таможни. Это кастильская территория, вам опасаться нечего. И через два часа я

оставлю здесь две тысячи экую».

Теперь рисковали все. И похитители, и Гаспар, и Жан, поскольку операцию пришлось проводить фактически за границей. Недалеко, в трехстах метрах от таможни, протекал узкий приток Гаронны, разделявший Галлию и Кастилию. Можно, конечно, обратиться к кастильскому патрулю, но кто знает – участником похищения мог быть не только галльский сержант, но и кастильский. Одно слово – граница, тут такие компании, бывает, складываются...

Поэтому Ажан и четверо солдат все-таки решились спрятаться вечером на кастильской территории в прибрежных кустах, мимо которых похитители пройти никак не могли.

Ночью пошел дождь. Тяжелее всего пришлось Жану, который просто не подумал о такой возможности. Пришлось в плащ, которым рассчитывал согреться, завернуть лук, чтобы завтра не подвел. Не капли – ледяные ручейки бежали по телу, от жестокого холодного ливня, какой бывает в горах, не было спасенья, глаза слепили огромные молнии, оглушали близкие удары грома, больше похожие на орудийные залпы, но тот же дождь напрочь смыл все следы пришедших в засаду бойцов.

И в полдень двое здоровых мужиков, по виду типичные крестьяне, провели мимо засады худого, оборванного черноволосого парнишку, который от страха, голода и усталости едва переставлял ноги. Вчера, сидя со связанными руками в какой-то комнатухе без окон, Фиакр подслушал разговор похитителей – в спокойной, даже деловой манере неизвестные дядьки обсуждали, как лучше избавиться от его тела. Для них он уже не был человеком – только телом, которое пока еще может ходить, даже разговаривать, но это уже неважно, потому что ненадолго.

Со спины Жану не были видны лица преступников, он лишь отметил спокойные, несуетливые движения, когда они поставили парня на берегу и демонстративно приставили к горлу нож. Гаспар молодец, в истерику не впал, помахал дрожащему, бледному от страха сыну рукой, крикнул, что все будет хорошо.

Он все сделал правильно, теперь дело за Жаном. Не подведет ли лук, который всю ночь пришлось укрывать от воды, не дрогнут ли промерзшие руки? Все решится сейчас. Похитители не уйдут в любом случае, но если не спасти Фиакра, как потом смотреть в глаза его отцу? Нет, такой ошибки сам себе не простишь!

Поэтому, когда парня повели назад, Жан собрался как на самый главный выстрел в своей жизни. Очистить мысли, успокоить бешено колотящееся сердце, выровнять дыхание. Нет сомнений, нет эмоций – есть только две мишени и тишина за мгновение до выстрела. Две стрелы ушли с разницей в три секунды, и обе попали точно. Фиакр еще ничего не понял, как его и раненых похитителей схватили и уволокли на галлийскую территорию. Все, можно отдыхать, наплевав на дрожащие от пережитого руки и начинающийся жар. Это мелочи, главное – мальчик жив!

А сержант Эрсан пытался бежать. Он действительно был прекрасным военным – продумал предлог для выхода из крепости, маршрут. Только есть разница между самым лучшим военным и выпускником Клиссона. Майор де Баон взял его лично, выгнав как кошулю на заранее организованную в горах засаду.

Дальше выяснилось много интересного. Оказывается, Эрсан давно доил и таможенников, и контрабандистов. Только если с таможенников он получал взятки якобы для господина майора – узнав об этом, де Баон порывался его убить на месте – то с контрабандистами наладил бизнес. Похищение ребенка было задумано как финальный аккорд перед отставкой – контракт заканчивался, и Эрсан решил, что заработал достаточно для безбедной жизни.

Следствие по делу контрабандистов вел мэтр Жерар, а Эрсана – маршальский суд в Тулузе, но приговор был один – десять лет каторги.

Освободившаяся вакансия вызвала кадровые перестановки. На место Эрсана был назначен командир четвертого взвода, а уже на его место, после выздоровления, – сержант Ажан, что было встречено сослуживцами как само собой разумеющееся. Только четвертый взвод приуныл – легкая жизнь с новым командиром им явно не светила.

Глава IV

– Господин сержант, чем я могу вас отблагодарить?

Гаспар подсел к столику, уже изрядно набравшись.

– Мэтр, вы уверены, что хотите говорить об этом именно сейчас?

– Абсолютно! Потому что если не доложу жене, что вы довольны, она меня на порог дома не пустит, не говоря уже о постели. Ну, вы, как мужчина, меня понимаете...

– Что же, как знаете. На самом деле действительно, есть у меня одна маленькая просьба. Я неоднократно видел, как в этой самой таверне к вашему столику подсаживаются купцы. Хорошо бы, чтобы вначале они подсаживались к моему столику.

– Господин сержант, может быть, просто оставим все как было, только долю одного сержанта будет получать другой?

– Вообще-то господин майор предвидел такое предложение и приказал вместо ответа подбить вам глаз, ну или зуб выбить. Короче, как получится. Я готов единственный раз в жизни нарушить приказ, но при условии, что больше такого не услышу.

– Но вы же понимаете, – Гаспар даже протрезвел от услышанного, – что есть правила. Их, конечно, никто не писал, но и нарушать нельзя. Я не могу допустить, чтобы возить товары через Сен-Беа стало невыгодно. Есть же определенные рамки...

– Мэтр, давайте договоримся раз и навсегда – никто в крепости никаких денег с вас и купцов не берет. Скажем, я любознательный человек и хочу поспрашивать путешественников о том, что они видели, что слышали. Ведь в нашу глухомань новости идут так долго. Но вот если я останусь недоволен разговором, ну не удовлетворил купец мое любопытство, то на таможне у него должны возникнуть такие проблемы, чтобы в следующий раз он был более разговорчивым. Это понятно?

– Нет. То есть понятно, но непонятно... простите, а зачем вам это?

– Господи, господин Гаспар, ну вам-то какая разница! Вам ребенка вернули, от поборов освободили, в ваши дела не лезут. Или хотите о них поговорить?

– Извините, господин Ажан, я все понял. Поверьте, вы всегда можете рассчитывать на мою помощь.

Вот с этого разговора Жан к обязанностям командира взвода добавил и работу в качестве помощника коменданта по разведке. Де Баон давно вынашивал эту идею, но без поддержки таможенников был бессилён. Зато теперь, когда Гаспар оказался должен, как монах монастырю... В общем, список вопросов был разработан, передан сержанту Ажану, и тот не подвел. Оказалось, что с помощью простых разговоров с купцами можно узнать столько интересного!

Как меняются цены на продукты, на железо, на ткани в разных городах. Связаны изменения с урожаем или закупаются продукты для армии, создаются ли новые производства, строятся ли новые дороги, где, почему именно там. Конечно, не по всей Кастилии, но по восточной ее части информация получалась очень интересной. В сочетании с данными агентуры, которой занимались де Баон и де Фье, качество отчетов резко возросло, и у майора появилась надежда, что его, такого квалифицированного, наконец переведут служить поближе к цивилизации, а может, чем черт не шутит, и в сам Париж.

Так что работы Жану прибавилось, но выросла и оплата, и, главное, появилось свое жилье. Он снял квартиру, которую до этого занимал Эрсан. И, надо признать, была она обставлена по высшему разряду, разумеется, по меркам захолустного Сен-Беа. Тем не менее имелась вполне удобная спальня и гостиная, куда не стыдно пригласить и друзей и красивую девушку. Правда с последним здесь... но не будем о грустном. Зато появилась возможность, пусть короткими вечерами, но заняться магическими амулетами, хранящимися с савойской войны.

К сожалению, заняться – это громко сказано. Полностью понять, что напихали в них маги, для Жана было делом безнадежным. Угадывались контуры нескольких знакомых конструкторов, но как их использовать – было абсолютно непонятно. А большая часть силового узора расшифровке не поддавалась категорически. Ему элементарно не хватало знаний.

Полгода Жан каждый вечер штудировал свои конспекты, пытался найти хотя бы намек на решение этой задачи, но единственным результатом было то, что магические конструкторы стали ему сниться по ночам. От безнадёги стали появляться мысли утопить амулеты в Гаронне, от греха подальше, как вдруг...

Это был обычный августовский день. Солнце палило немилосердно, и, гоня взвод на плацу, Жан физически чувствовал волны ненависти, идущие от изнывающих от жары солдат. А что делать? Подразделение благополучно провалило нормативы по стрельбе из мушкетов, за что де Баон осчастливил его этими внеплановыми занятиями.

Но судьба все же сжалилась над несчастными пехотинцами – прозвучала команда к общему построению.

Вместе с де Баоном к строю вышел мужчина, одетый в легкую белую рубашку, коричневые штаны и короткие черные сапоги. Тень от широкой бежевой шляпы закрывала его лицо. Через левое плечо был небрежно переброшен зеленый плащ.

– Солдаты, капралы и сержанты! – начал де Баон. – Штат нашего гарнизона пополнился еще одним офицером. Представляю вам лейтенанта де Савьера, заступившего с этого дня на должность гарнизонного мага. Гарнизон, вольно, разойдись. Сержант Ажан, ко мне!

Жан возликовал! Наконец появился человек, у которого можно что-то узнать про амулеты. Надо только найти подход, но когда это было проблемой? С радостной улыбкой он подошел к офицерам и внезапно почувствовал, как бледнеет. Это был он. Тот шевалье из Морле, за спасение которого бывшего барона де Безье лишили дворянства. Этого быть не могло, нечего здесь делать выпускнику Магической академии, но вот же он, стоит. И если сейчас узнает Жана, это будет катастрофа.

– Господин сержант, я знаю, вы интересуетесь магией, – майор впервые за время службы обратился на вы, – поэтому поручаю лейтенанта вашим заботам. Покажите ему поселок, ознакомьте с местностью, помогите найти жилье. В общем, будьте ему родной матерью.

Когда де Баон ушел, шевалье де Савьер долго рассматривал Жана и, наконец, спросил:

– Мы не могли раньше видеться?

– Нет, ваша милость, я бы обязательно запомнил мага. К сожалению, вы лишь второй маг, которого я знаю.

– Второй? Интересно, а кто был первый? – с мальчишеской улыбкой спросил лейтенант.

– Майор де Мертен, маг Военной академии в Клиссоне.

– В Клиссоне? Ты бывал в Клиссоне?! – увлекшись, ровесник Жана сам не заметил, как перешел на «ты».

– Два года прослужил там в роте охраны.

– Скажи, а встречал ты такого курсанта – барона де Безье?

Слава богу, не узнал! И Жан мысленно по православному перекрестился.

– Был такой. Покончил жизнь самоубийством.

– Точно?

– Абсолютно, мне рассказывал очевидец. Спрыгнул с обрыва в море. Вы были с ним знакомы?

– Увы, нет. Ну ладно, веди меня, мой проводник! Будем изучать будущий театр магической войны, не дай господи.

С этого дня пришлось перекроить свое расписание. Магу тоже надо тренироваться. И во время этих занятий Жан старался оказаться поблизости от де Савьера, фиксируя его конструкты и под восторженные охи и ахи задавая нужные вопросы. А где вопросы, там и помощь – мишень установить, результаты ударов записать. Не магу же бегать каждый раз, смотреть, что получилось.

И однажды самому Жану лень стало возвращаться, решил он укрыться за бугорком. Но то ли маг что не так сделал, то ли солнце его ослепило, то ли день был несчастливый, но шандарахнул он в сторону сержанта. Светящийся зеленым светом шар летел со скоростью стрелы. Не увернуться, не прикрыться, конец?!..

Это было на инстинкте. Увидев летящее в его сторону заклятие, Жан создал тот самый отводящий конструкт, который спас его от верховных магов Морле.

Де Савьер ничего не понял, увидев, что вздыбилась земля на соседней горе. Промажнулся, бывает, но чтобы настолько?! Нет, надо менять режим – никакого вина перед тренировками, чтобы собственную крепость невзначай не развалить. А что, он такой, могучий, только вот сегодня с меткостью проблемы.

Наверное, для открытия нужно что-то такое, экстремальное. Чтобы встряхнуло мозги. Не бывает таких совпадений. Конструкт дважды получился в условиях, когда в Жана летели заклятия. Интересно, а они обязательно должны быть опасными? Обязательно лететь точно в него или достаточно просто быть рядом? А использовать можно обязательно все заклятие или можно только часть? Миллион вопросов, ответить на которые можно только эмпирически, и Жан начал экспериментировать.

Через некоторое время де Савьер начал подозревать наличие дурного глаза у сержанта. В присутствии этого субъекта заклятия иногда сбились, и не просто сбились. Вначале летели не туда, потом стали слабеть, а потом и вовсе превращаться черт знает во что. Ледяные иглы – в капли дождя, огненный шар – в булыжник, а однажды косуля, получив в бок ювелирное по точности заклятие стрелы, вместо того, чтобы тихо умереть, окрасилась в жизнерадостный желтый цвет и убежала пугать своих собратьев.

Однако долго злиться лейтенант не умел. Проходил день, и он сам приглашал Жана помогать на тренировках. Было в этом сержанте что-то такое, что заставляло забывать неудачи. Всегда приятно слышать искренние восторги и видеть восхищение на лице пусть и единственного зрителя. Магия – это практика, неподвластная теории. Высоколобые из Магической академии пытаются найти закономерности, но пока без толку. Однако, когда слышишь постоянные «а если», невольно сам зажигаешься любопытством. Действительно, как меняется скорость заклятия в воздухе в зависимости от высоты, как на него действует вода? Какие заклятия могут проникать через отверстие в преграде и как меняется их сила в зависимости от диаметра отверстия? А если отверстий два? Или более?

Де Савьер посмеивался над наивными попытками простолюдина изучить высокое искусство магии, но с удовольствием принял роль мудрого учителя. Ходил важно, говорил степенно, как ему казалось. Однако дилетантские

вопросы сержанта позволили накопить неожиданно интересный материал, и через полгода он направил статью в журнал «Основание», которая была замечена ученым миром. После нее в крепость стали приходить письма с адресом «Округ Сен-Годенс, поселок Сен-Беа, магистру де Савьеру».

А Жан смог разобрать полтора десятка заклятий, встроенных в амулеты, и некоторые даже настроить на свой ключ активации. Только нехорошие были те заклятия, пригодные только людей убивать. Хотя чего еще было ждать от тех боевых магов из ущелья близ деревни Фадж.

И перехватывать заклятия научился. Мог изменить, мог отклонить, а мог и направить назад. Де Савьер в шутку попытался создать над ним дождик, маленький такой, можно сказать индивидуальный. Потом самому пришлось сохнуть и проклинать свою безалаберность. Жан только посмеивался, но осторожно, чтобы могучего мага не обидеть.

А еще, в порядке ностальгии, попытался сержант применить к этому миру знания из той, прошлой жизни. Когда-то студент МИФИ Боря Воронин выбрал себе специализацию – квантовую оптику. Даже два года прослужил в одном очень закрытом ящике, пока не совпали два чуда. Во-первых, снизошло на него озарение, что не бывать ему ученым по причине весьма банальной – отсутствия искры божьей. Решить поставленную задачу – это да, на это младший научный сотрудник был готов, но вот сформулировать ее, увы. Этому научить нельзя, это дается свыше. А во-вторых, пригласили его однажды в первый отдел, где незнакомый мужчина средних лет в неброском костюме предложил послужить Родине на ином поприще. С того момента пришлось навсегда забыть об умиротворяющей тиши лабораторий, но остатки знаний сохранились.

И вылились они в заклятие изменения цвета. Жан научился, перехватывая магию де Савьера, менять частоты световых волн, то есть менять цвета. Солнце на короткое время становилось зеленым, трава желтела или синела, в общем, в его присутствии вокруг колдующего лейтенанта творилась чертовщина, изрядно веселившая случайных свидетелей.

Но самое неожиданное – он научился направлять перехваченные заклятия на подпитку де Савьера. Тот, к сожалению, магом оказался слабеньким. То есть заклятий знал много, владел ими изумительно, но вот силенок было маловато, хватало его ненадолго. Да и слабоватые они получались. Теоретически магический резерв тренируется, только на практике этим впору самоубийцам

заниматься. Нужно раз за разом подходить к черте полного истощения, переступив которую, маг неизбежно умирает. Так что новое умение Жана оказалось тем козырем, который впоследствии спас и его самого, и де Савьера, и множество других защитников крепости.

Шампань, старинный родовой замок

Лилиан постучалась в ворота. Такие знакомые, такие родные. Они снились ей короткими, тяжелыми ночами, когда измученная занятиями, измотанная вечерними тренировками, уставшая от одиночества девушка засыпала в своей безусловно уютной, но до остервенения надоевшей комнате.

Особенно тяжело было в последний год. После истории с проклятым де Безье стало особенно одиноко. Нет, разумеется, подхалимы, почувствовав ее силу и власть, утроили свои ухаживания, но вот остальные... Все, кто был действительно интересен, все отгородились, выстроив невидимую, но непреодолимую стену.

Даже преподаватели после увольнения ректора и деканов свели общение с ней к необходимому минимуму.

И это было страшно. Для красивой, умной, привыкшей к лидерству девушки оказаться в жутком ущелье, где с одной стороны стена подхалимажа, а с другой – отторжения. И выход один – закончить учебу и вырваться из этого кошмара на простор залитой солнцем, как казалось, свободы. Казалось... Тогда...

А пока каждый вечер дарил надежду, что ночью опять приснятся эти ворота. Вот они открываются, а во дворе стоят отец и брат. Улыбаются, протягивают руки, обнимают, как в детстве, смеются...

Но сейчас был не сон, сейчас она действительно постучалась. И все оказалось не так, потому что Лилиан сковал страх. Мерзкий, липкий. Не страх смертельного поединка, пьянящий, разгоняющий кровь, заставляющий собираться и преодолевать, а опускающий плечи и подавляющий волю.

В эти мгновения, когда стук затих, а ворота еще не открылись, вспомнилось то, что, казалось, давно похоронено в памяти, как старые платья, которые стали малы и их аккуратно сложили в сундук, твердо зная, что никогда больше не достанут. Платья сделали свое дело, но выбрасывать жалко, хотя пользоваться ими больше не придется.

Шесть лет назад, на каникулах, Лилиан в подвале замка наткнулась на магически запертую дверь. Казалось бы, заперта и заперта, кто запер, тот и откроет. И демон ее дернул найти решение. Или демон это решение и нашептал? Изящное, достойное истинного мага, ну как им было не воспользоваться?

Дверь открылась, и герцогиня вошла в освещенную тусклым магическим светом комнату. Маленькую, с низким потолком, пустую. Только на противоположной стене висело зеркало высотой с человеческий рост. Хотя какое там зеркало – стекло, которое не отражало, а показывало другой мир, по которому ходили странно одетые люди, слышались отголоски их разговоров на странном, хотя и похожем на гальский, языке, ездили странные повозки.

Наверное, и дальше не обошлось без врага рода человеческого, иначе как объяснить, что Лилиан смогла пройти сквозь это стекло. Пройти и вернуться. Вначале это было похоже на аттракцион, а потом... потом стало интересно. Там, за стеклом, магии не было, но прирожденная актриса и авантюристка, с отточенной выдумкой, не по-детски крепкими нервами, развившая в себе решительность и страсть к экспериментам, смогла приспособиться.

Пока домочадцы думали, что девочка гуляет по окрестным лугам, она ходила в другой мир и запоминала все, что видела. А потом вечерами и по ночам обдумывала, вычленяла то, что могло пригодиться. Только Лилиан была не убеленным сединами ученым, а одиннадцатилетней девчонкой, которую к тому же учили на боевого мага, потому и заинтересовали ее тогда лишь навыки воинов, которыми можно было лихо блеснуть перед однокашниками на тренировочной арене в Морле.

А потом, дома, услышать восхищение в голосе отца и брата – того, чего так не хватало, но о чем так мечталось.

Вспомнить дальнейшее Лилиан не успела – все действительно оказалось как во сне, ну или почти как во сне.

Ее встречал отец. Хотелось броситься к нему на шею, расцеловать, но ноги не сдвинулись с места, лишь присели в реверансе. Официальном, холодном. Голова склонилась строго по протоколу официального приема.

Тогда отец сам подошел и обнял, как в тех снах, как в детстве. И, как в детстве, она расплакалась, наплевав на достоинство герцогини, на стоящих вокруг слуг, просто уставшая дочь расплакалась на плече у отца.

Потом они сидели на диване в гостиной, герцог гладил ее волосы и слушал. А она рассказывала то, о чем не говорила никому и никогда.

Что устала от одиночества среди людей, что однажды нашла зеркало и прошла за него, что четыре года назад подрядилась помочь захватить один замок на южном побережье. Не для денег, хотя и не даром, чтобы проверить себя. Как получила первый удар в лицо. И про второй тоже рассказала. И много еще о чем, чего старый герцог и представить себе не мог.

– Наверное, вы не захотите меня больше видеть, отец? Я плохая дочь, – спокойным голосом сказала Лилиан, больше всего на свете боясь услышать «Да».

– Ты любимая дочь, и это главное. А все остальное... теперь тебе не обязательно куда-то уезжать, отдохни, развейся. У тебя была тяжелая жизнь, сейчас просто отдыхай, у нас еще будет время поговорить.

Выходя из гостиной, столкнулась с Годардом. Брат старше ее на десять лет, тоже выпускник Морле, прекрасно понимающий, что значит вырваться, наконец, из этих уютных, но осточертевших за время учебы стен. Вот с ним все было проще – объятия, смех, приглашение на конные прогулки и поездки к друзьям. Герцогиня начинала жить достойной, предписанной ее положением жизнью.

Так она думала целую неделю.

А на восьмой день в ее комнату вошел слуга и передал письмо.

Вечером этого слугу нашли в придорожной канаве с кинжалом в сердце.

Еще через четыре дня юная графиня де ла Гер, оставив на столике своей комнаты письмо, покинула замок. Последующие попытки найти ее успехом не увенчались.

Глава V

С бешеной нагрузкой, которую взвалил на него командир, Жан и не заметил, как до окончания контракта осталось всего полгода. За это время боеспособность четвертого взвода удалось подтянуть до уровня требований самой Военной академии.

Обычно, в случае отсутствия офицеров, обязанности командира переходят к командиру первого взвода. Но в последнее время де Баон оставлял старшим Жана, и, что интересно, это не вызывало недовольства у других сержантов. С другой стороны, действительно, за ту же зарплату отвечать за чужих охламонов – кому это надо?

И еще. Результаты проводимых Жаном разведопросов стали настораживать. В пограничных районах Кастилии почти вдвое выросли цены на пшеницу и фураж. Причем рост цен не был связан с сезонностью или погодой. Кроме того, кастильцы начали ремонтировать и укреплять мосты на дороге к Сен-Беа. Все это по отдельности тревоги не вызывало – ну скакнули цены, ну ремонтируют дороги. Но вот вместе взятое наводило на неприятные подозрения в подготовке боевых действий. Впрочем, само очередное обострение отношений Кастилии и Галлии секретом ни для кого не являлось. Правда, ожидалось, что боевые действия если и начнутся, то на северо-востоке, где было больше возможности для маневра войск. Но в горах?! В общем, де Баон получил приказ продолжать разведку, не паниковать и на провокации соседей не поддаваться.

Вот его он и озвучил на совещании с де Фье и Ажаном. Да... грустный это был приказ... где-то когда-то Жан о таком слышал и отлично помнил, что ни к чему хорошему он не привел. Так что черт с ней, с субординацией, а выскочкой его и так уже почти все считают.

– Так что продолжаем действовать, как и прежде, господа, – закончил совещание де Баон.

– Разрешите предложение, господин майор, – обратился Жан.

– Ну что еще? – В голосе командира сквозило откровенное недовольство.

– Предлагаю все же скорректировать планы боевой подготовки, по крайней мере на ближайшие три месяца, сделав упор на отработку отражения штурма и попытки прорыва вглубь страны. А также пополнить запасы продовольствия и вооружений.

Комендант надолго замолчал. Не припишут ли ему самому обвинение в провокации, если начнет активно завозить припасы? Деньги есть, они выделены аж на год, но обычно тратились постепенно, по мере необходимости. С другой стороны, мальчишка прав. Если соседи решат все же атаковать здесь, то малыми силами не ограничатся, корпус пойдет как минимум, и удержать крепость будет трудно, вернее практически невозможно.

– Лейтенант, ваше мнение?

– Наверное, лучше получить по шее от начальства, чем пулю от кастильцев, – пожал плечами де Фье.

– Тогда изменение планов на вас. И лично займитесь пополнением запасов, поставьте задачи артиллеристам и проинспектируйте санитаров. А то солдаты в крепости здоровые, как бы не разучились наши коновалы бинтовать и штопать.

С этого дня жизнь солдатская, и до того в Сен-Беа нелегкая, превратилась и вовсе в подобие каторги. Ну да, снизилось количество патрулирований, но тренировки на стенах, отработка вылазок и противопожарная подготовка велись, казалось, бесконечно.

А в середине июля кастильцы под тем же предлогом ремонта дороги и мостов и вовсе закрыли границу. Вообще это было обычным делом – такие ремонты проводились раз в четыре – пять лет, только вот в сочетании с другой информацией это настораживало. Кроме этого, была отмечена возросшая

активность соседей по патрулированию пограничья. Обычно для контрабандистов не составляло проблемы обойти патрульные группы как одной, так и другой стороны. Но в этот раз галлийские контрабандисты, которых в Сен-Беа знали и не трогали как мелкую шкodu, стали исчезать. С другой стороны, полностью прекратились переходы контрабандистов кастильских.

Потому и приказал де Баон, наплевав на строжайший запрет, начать разведку сопредельной территории. Только дело это стало практически безнадежным – все направления перехода через границу оказались перекрытыми. Полностью. Даже знаменитая клиссонская подготовка оказалась ну не то чтобы бесполезна. Просто неудача слишком вероятна и стоила бы слишком дорого. А как же! Убитые, или не дай бог захваченные на чужой территории военнослужащие – это голубая мечта всех дипломатов. От такого скандала королям отмыться невозможно, а уж исполнителям тем более.

Но, видно, воинская удача в этот раз оказалась на стороне Галлии. В конце июля через границу из Кастилии даже не перебрались, буквально переползли три человека. Израненные, избитые, изможденные. Двое взрослых мужчин и мальчишка лет двенадцати смогли спуститься с гор на дорогу около таможенного поста, но больше сил у них не было. Потребовалась повозка, чтобы доставить их в крепость, особенно плох был парень, которого санитары переодели, уложили в постель и запретили беспокоить по крайней мере сутки.

А мужчин комендант и де Фье забрали к себе. Опрошенные отдельно, они дали абсолютно одинаковые показания, и показания эти не радовали.

Перебежчики, или, точнее, переползатели, оказались цыганами, единственными выжившими из табора, что попытался проехать в сторону Тулузы. Кастильцы убили всех. Мужчин и женщин, стариков и детей. Эти трое вырвались случайно. Подробности рассказывали спокойно, даже отрешенно – сил на горе уже не было.

Получалось, что, намертво перекрыв границу, соседи не озаботились перекрытием дороги со стороны тыла, и табор спокойно въехал в строящийся палаточный лагерь. Вот тут-то все и началось. Цыган заставили выкопать яму, поставили на краю и закололи багинетами. Бедняги пытались бежать, но куда там – на них устроили загонную охоту. В общем, потешили себя кастильцы спортивным развлечением.

Вырваться смогла группа акробатов, что выступали в деревнях и городах, радовали публику и приносили в родной табор заработанные честным путем деньги. Профессиональная ловкость помогла увернуться от оружия и спуститься по скале с обратным уклоном, куда не доставали клинки и не долетали пули. На пальцах, хватаясь за мелкие выступы и трещины, под смертные крики близких и азартные вопли разудалых кастильских солдат. Двое сорвались и разбились, троим повезло.

На следующее утро Жан навестил мальчишку, принес леденцы, которые славно получались у жены трактирщика. Тот уже немного пришел в себя и попросил помочь сесть на кровати. Сержант подложил ему под спину побольше подушек, подтянул к изголовью, усадил. В этот момент из разреза рубашки больного показался висящий на цепочке медальон. Простенький такой медный медальон с вензелем из букв S и P, родной брат того, что в свое время носил некий Крис, что пытался опозорить и убить юного графа Амьенского, а когда был схвачен, перегрыз себе вены на руках. Тогда Жан забрал медальон и сейчас тот лежал среди его вещей. А у мальчика, значит, такой же.

– Как тебя зовут, парень?

– Шарль-Сезар! – ого, таким тоном представляется, словно наследный принц.

– Странное имя для цыгана, больше какому дворянину подходит. Знавал я двоих друзей, дворян, так вот, одного звали Шарлем, другого Сезаром. А ты один вроде как их обоих стоишь.

– А может, я и не цыган, может, я и есть дворянин?

Ну, по спеси, может, и так, но вот ауры дворянской у тебя нет, подумал Жан. Только ведь не скажешь этого, если один во всем мире эти ауры видеть можешь. Хотя...

– Разумеется, ты дворянин и я дворянин, только скотных дворов. Или постоянных, как тебе больше нравится. Ой, только не злись, тебе сейчас вредно. А лучше колдани чего-нибудь. Я эту магию знаешь как люблю, ну что вам, ваша милость, жалко что ли?

– Не могу я, – буркнул мальчик, – и отец мой не может, а мы из древнего рода. Виконт де Сент-Пуант, к вашим услугам!

И вот тут уже ноги подкосились у самого Жана. В своей новой жизни он встречал тезок и Портоса, и Планше, и Гримо. Несколько дней даже сам звался д,Артаньяном, но встретить реального героя «Трех мушкетеров»... Ну, здравствуйте, граф Рошфор, человек из Менга... Если не врите, конечно.

– И какой же черт целого виконта занес к цыганам? У них в кибитке что, мягче и теплее, чем на перине в замке? Парень, ты всерьез думаешь, что тебе кто-нибудь поверит?

– Знаю, что не поверят. Только это правда, вот. Мама умерла при родах. Отец на другой женился. Он часто уезжал, не знаю зачем, но четыре года назад сказал, что уезжает последний раз, и пропал... Год от него только письма приходили, а потом перестали. А мачеха сказала, что отец нас бросил, а я у нее теперь нахлебник. И в замке такое началось... Сплошные балы, веселье, только мне-то что с того веселья – все перепьются, передерутся... и так каждый день, каждую ночь... Вот я с цыганами и сбежал, три года с ними кочевал. Она, думаю, рада была.

Так не бывает. С другой стороны, выдумывать такую историю, чтобы запихнуть в Галлию шпиона в образе мальчишки?! Или впихнуть галлийцам дезу? Да проверить его слова можно запросто. И, опять же, кто мог предположить, что в занюханном Сен-Беа в звании сержанта служит тот самый барон, что когда-то и схватил того самого виконта? Бред еще больший.

– Что это за медальон у тебя?

– От родителей остался, – грустно вздохнув, ответил Шарль-Сезар, – там мать с отцом нарисованы.

– Можно посмотреть?

С раскрытого медальона на Жана смотрел Крис и та женщина из того, другого медальона. Так вот на кого смотрел Крис, умирая!

Жан бросился домой, суетясь, разбрасывая вещи, нашел медальон и бегом принес его в лазарет.

- Держи, парень, кажется, это твое.

На Шарля-Сезара было больно смотреть. Без того бледный, он просто побелел. И это увидели санитары. Они без церемоний взащей прогнали Жана от больного, которого немедленно стали поить лекарствами и целебными отварами, горькими до невозможности.

А де Баон, получив новые данные, утроил усилия и, в конце концов, воинская удача, подкрепленная клиссонской выучкой, оказалась на стороне Галлии. В трех километрах от границы действительно был обнаружен полностью оборудованный полевой лагерь, рассчитанный примерно на семь тысяч человек. И в этот лагерь уже начали прибывать войска.

Немедленно было собрано совещание, на котором присутствовали офицеры крепости и Жан, как помощник коменданта по разведке.

- Итак, господа, полагаю, что вывод однозначен - в ближайшее время Кастилия начнет боевые действия на нашем направлении, - завершил обзор оперативной обстановки де Баон, - какие будут предложения? Начнем с младшего по званию. Итак, сержант?

- Полагаю, что выбор у нас небогатый, - начал Жан, - направить донесение в Тулузу и перевести гарнизон полностью на казарменное положение. Думаю, что пара - тройка дней у нас в запасе есть, а после штурмовой отряд может появиться в любой момент. Ну не будет же противник штурмовать крепость всем корпусом - на нашей дороге его и не развернешь. Также предлагаю заложить фугас в горе, нависающей над дорогой у ближайшего поворота. До него метров пятьсот. Если взорвать в момент начала штурма, мы отсечем передовую группу от основных сил и заставим противника повозиться с разбором завала. При удачном взрыве на это у кастильцев уйдет не меньше двух суток.

- Интересно, а как взорвать? Малейший дождь и порох отсыреет. Хотя можно залить бочки смолой, тогда есть шанс, что получится. Если в процессе сами на воздух не взлетим. Но кто будет взрывать? - спросил командир артиллеристов. - Даже если найдется такой самоубийца, так кастильцы не дураки, их фланговое

охранение его снимет запросто. Там же надо шурф бить – неужели ты думаешь, что это останется незамеченным?

– Ну, тут я смогу помочь, – вступил в обсуждение де Савьер, – до поворота метров пятьсот, если к пороху подвести металлический стержень, выходящий на поверхность, и четко мне его обозначить, я этот фугас прямо из крепости взорву.

– У нас есть еще одно слабое место – склон горы над крепостью, – заметил де Фье, – если наверху обоснуются мушкетеры – перестреляют нас как косуль. Там тоже нужен фугас.

Совещание длилось долго, но план обороны крепости был разработан.

Решили установить два фугаса – большой, рассчитанный на завал дороги, и поменьше – для прикрытия крепости сверху. Также на крыше донжона, находящейся вровень с плато над крепостью, оборудовать позицию для маленькой пушки, предназначенной для стрельбы картечью.

В конце совещания де Баон приказал Жану задержаться.

– Мне кажется, или ты хочешь что-то еще предложить?

Дьявол, очень не хочется выглядеть слишком умным, но еще больше не хочется быть слишком мертвым, – подумал Жан, – придется, господин бывший полковник, рисковать. Только поменьше уверенности, вроде как вы сами в своих словах сомневаетесь...

– Да, господин майор. Мне не дает покоя прошлогодняя история. Вы же тогда предположили, что кастильцы в Сен-Годенсе провели встречу с агентом. А если он офицер тулузского полка... его ведь так и не вычислили, как я понимаю. Вдруг он перехватит ваш доклад? Да и, боюсь, вокруг крепости уже действуют разведгруппы противника. То, что мы их не видим, скорее всего, ничего не значит. Они могут быть далеко в тылу, но и путей в Тулузу в горах не много. Все, конечно, вряд ли перекроют, но основные, боюсь, наверняка.

– Предлагаешь послать двоих курьеров? – комендант схватил главное, до остальных мелочей ему дела не было – не до них сейчас.

– Троиш, господин майор. Разным адресатам и так, чтобы они не знали друг о друге.

– Согласен. Тебя бы послать, но нельзя. Займись лучше шурфами, чтобы скрытно пробить.

– А надо ли скрытно? Может быть наоборот, оборудуем наблюдательные вышки, только солдат туда сажать пока не будем – вроде как на будущее? Ну, увидят кастильцы, что вышки стоят, а солдат на них нет, и что? Валить, а тем более взрывать их точно не будут, а, Бог даст, еще и своих наблюдателей решат посадить.

Поскольку всякая хорошая инициатива наказуема, постройка «вышек» была поручена четвертому взводу. Жан же был назначен ответственным за закладку фугасов, чем и воспользовался. К каждому фугасу приложил по амулету погибших близ Фаджа магов, настроив их на взрыв от любого заклятия, сработавшего в радиусе пяти метров. То есть теперь де Савьер должен был очень сильно промахнуться, чтобы заряды не сдетонировали.

Разговор в кастильском лагере

– Никак не могу понять, монсеньор, что лично вам делать в этих горах? Неужели вы настолько мне не доверяете?

– Что вы, мой друг. За вашими плечами столько блестящих операций, что о недоверии не может быть и речи. Просто слишком высока цена неудачи. Если наши доблестные войска не смогут выбраться из гор, вся кампания превратится в шутовской пшик. Собственно поэтому военные и обратились к нам за помощью.

– Но мы же уже готовы. План разработан, реализуется. И какой план!

– Да, задумано интересно. Вы прекрасно нашли общее между женой лейтенантика в заштатной крепости и графом Тулузским. Кто мог представить, что успех решит то, что они родились в один день!

– Ну, если уж быть полностью объективным, то это обнаружил Идальго. И он же провел всю организационную работу.

– Конечно, конечно, только завербовал его я, а вы дали ему подробные инструкции. Так что не сомневайтесь, доверие к вам незыблемо. Но если что-то пойдет не так, придется импровизировать, и вот для этого будет необходим мой авторитет. Иначе наши доблестные вояки такого наворотят, чего уже никто и никогда не исправит.

– Увы, не могу с вами не согласиться. Жизнь частенько преподносит нам сюрпризы, и не всегда приятные. Помните, в прошлом году, в операции по связи. Откуда только вылез тот служака, что потащился за контрабандистами аж в Сен-Годенс. Из-за этого кретина Живчика потеряли.

– А ведь этот кретин наверняка до сих пор служит. И именно в Сен-Беа. Кто знает, какая еще глупость может запасть в деревянную башку этого остолопа. Но главное сейчас не это. В конце концов, с четырьмя взводами гарнизона мы, с Божьей помощью, разберемся. Главное, чтобы маршал де Комон увел Окситанский полк на юг, к месту нашего отвлекающего удара. Иначе всю кампанию можно сворачивать. Если полк перекроет горную дорогу – все, нам успеха не видать.

– Идальго уже делает все необходимое. В последнем донесении он сообщил, что маршал проклиная нерешительность графа и именно на том дне рождения намерен заставить его передислоцировать полк к побережью. А мы еще действовать начнем, чтобы к этому дню подгадать. Так что никуда граф не денется, отправит полк на юг, и это будет мат.

– Все верно, но вот если все же не получится... Сможет Идальго нас предупредить?

– Увы, нет. Экстренная связь у него через голубей, но те летят в Барселону. Так что раньше чем через неделю к нам его сведения не поступят. А тогда все уже будет ясно в любом случае.

– Вот видите, мой друг, сейчас мое место здесь, в этих проклятых горах, в этом проклятом шатре.

– Вы как всегда правы, монсеньор.

Глава VI

Бал был в разгаре. Звучала задорная музыка, шикарные кавалеры танцевали с прекрасными дамами, люди пожилые собрались в дальнем углу зала и азартно сплетничали. День рождения удался на славу. Картину портил лишь господин де Комон. Человек, безусловно, уважаемый – кавалер, маршал Галлии, а с недавних пор еще и маркиз. Прислан Его Величеством для защиты западных рубежей и готовый ради этого собрать под собой все войска западных провинций.

Вон он, стоит в гордом одиночестве с насупленным видом, стараясь выглядеть немим укором имениннику и его гостям. Ну и пусть себе стоит – хороший праздник никакая статуя не испортит, даже такая заслуженная.

Граф Тулузский раздраженно начал кусать усы. Старый хрыч все-таки испоганил настроение, может радоваться. Легко ему – получил приказ и знай себе воюй. Красота. А ты попробуй мир сохранить, когда здесь и интервентов не надо – вассалы сами готовы друг другу в глотки вцепиться, а добрые церкви их еще и подзуживают.

Две трети населения Окситании – реформисты. Со своими войсками, полицией, даже судами и палачами. Но и две трети доходов графства от них же. Убери из города полк, и даже дьявол не предскажет, что может начаться. И не волнует этих нововеров, что кастильцы, как верные сыны Святого Престола, именно по ним первым и ударят. Главное здесь и сейчас дорваться до власти, порушить приходы истинной церкви.

А маршалу на это наплевать, у него, видите ли, приказ и идите вы все...

Конечно, если война, тогда да, тогда полк пойдет в бой, но ведь нет же ее пока и, Господь даст, не будет. Не впервой с западным соседом ругаемся, но до сих пор воевали только на северо-востоке. Так чего раньше времени суетиться?

Черт, черт, черт! Ведь обещал же графине сегодня только веселиться, да куда уж тут. Придется дать старому пердуну аудиенцию. Все равно не отстанет, так лучше побыстрее от него отделаться.

А маршал был зол не менее. Разведка четко сообщает, что от Барселоны выдвинулась армия, двенадцать тысяч человек, все, что может выставить Кастилия. Сейчас они накапливаются в пограничном лагере, отдыхают, но долго стоять не смогут. Армия или воюет, или разваливается, третьего не дано. Значит, решение в Мадриде принято и начнется все со дня на день, если уже не началось, пока он, словно нищий, выпрашивает полк, который и так должен ему подчиняться. Это вместо того, чтобы быть со своей армией, в которой всего девять тысяч человек... Стыд и позор! Было бы смешно, если б не было страшно. Без Окситанского полка дела галлийцев будут плохи. О, его сиятельство изволили сделать приглашающий жест, никак снизошли до аудиенции. Сплюнул бы, но нельзя – галантность, однако, чтоб ее.

В кабинете хозяин пригласил маршала присесть к изящному, тонкой работы столику, на котором стояло блюдо с фруктами. Лично поставил бокалы, налил вино. И собеседники замерли, словно дуэлянты перед схваткой. Хотя какие собеседники – беспощадные бойцы, просчитывающие начало поединка. Ибо после этого разговора кровь будет литься рекой в любом случае. Вопрос только в том, чьей прольется больше.

И едва должна была прозвучать первая фраза, словно первый разведочный выпад, в дверь постучали. Это было неожиданно, нелепо, никто не смел помешать словесному поединку титанов.

– Войдите! – раздраженно воскликнул граф Тулузский.

И в шикарный кабинет вошел военный в измятой, пропыленной дорожной одежде.

– Господин маршал, срочная информация из Перпеньяна. На рассвете кастильские войска вышли из Барселоны по средиземноморской дороге.

– Ну и что теперь делать? Ваше сиятельство, вот что я именно сейчас и именно здесь должен делать? Дождались? Теперь мы успеем, лишь если полк выступит на рассвете.

– Да готово все, маркиз. Он выступит завтра на рассвете, – грустно сказал граф, – если я не хотел выдвигать полк, это не значит, что я ничего не делал. Обоз сформирован полностью, боекомплект, оружие, продовольствие, фураж – все погружено и готово к маршу.

– Я выезжаю немедленно! – воскликнул маршал и с неожиданной резвостью даже не пошел, а скорее побежал, из кабинета. И в дверях, словно на стену, налетел на могучего офицера в форме Окситанского полка.

Пока обалдевший маршал приходил в себя и набирал воздух для резкой и решительной критики наглого богатыря, тот подошел к графу и громовым голосом доложил:

– Ваше сиятельство, срочное сообщение из Сен-Беа. Кастильцы готовят прорыв в районе крепости силами до семи тысяч человек. Вот доклад коменданта крепости, – и передал запечатанный конверт.

Все неласковые слова, приготовленные маршалом, застряли в горле. Он бросился к графу и они прочли:

Командиру Окситанского полка

полковнику де Монфор

графу Тулузскому

Ваше сиятельство!

Докладываю, что в четырех километрах от границы на сопредельной территории мною разведан палаточный лагерь Кастильской армии, рассчитанный на семь тысяч человек. В настоящее время лагерь полностью заполнен – мушкетеры, пикинеры и около тысячи рейтар. В лагере установлено шесть полковых знамен. Также отмечено девять орудий крупного калибра, в том числе, возможно, осадных. Разведку провел лично, достоверность информации – абсолютная.

Расчетное время сдерживания противника силами вверенного мне гарнизона – не более двух суток.

Данный рапорт направлен начальнику штаба Окситанского полка. Еще два одновременно направлены дежурному офицеру и вашему заместителю.

Комендант крепости Сен-Беа

майор де Баон

– Доставить сюда курьера немедленно, – приказал де Комон.

Через десять минут в шикарный кабинет шикарного замка вошел усталый капрал в потной, заляпанной дорожной грязью простой солдатской одежде.

– В доставленном тобой сообщении сказано, что ты третий курьер. Тебе известно, где предыдущие посланники? – спросил граф.

– О первом мне ничего неизвестно, а второго я видел на въезде в Тулузу. Убитым.

– Немедленно послать людей. И ты, капрал, поезжай с ними, покажи тело.

Через час посланные вернулись. Тела на дороге уже не было, но в указанном капралом месте обнаружилось присыпанное землей кровавое пятно, а в полусотне метров от него убитая лошадь с уздечкой, на которой стояло клеймо гарнизона Сен-Беа.

А еще через полчаса в том же кабинете за тем же столом сидели те же двое. Полковник и маршал, граф и маркиз. Только не было перед ними бокалов, как и не было враждебности во взглядах. Теперь они были не просто единомышленники. От принятого сейчас решения зависела не просто судьба кампании – судьба страны.

Не могла Кастилия выставить более двенадцати тысяч человек, негде было взять войска. Сейчас там на всю метрополию семь полков и это точно. Полки не создаются за месяц. Значит, один из ударов отвлекающий. И вот здесь не дай бог ошибиться. Если основной удар на Перпеньян, то окситанцев надо выдвигать

туда, иначе кастильцы задавят числом.

Но если этот комендант прав, то прорвавшемуся через горы противнику противопоставить будет нечего. Галлийцев зажмут в клещи и раздавят как орех.

Де Баон... А ведь где-то маршал о нем слышал.

– Граф, что можете сказать об этом майоре?

– Ничего особенного не могу, его в Сен-Беа через мою голову ставили. Прямым из столицы, приказом самого военного министра, лично. Де Баон тогда капитаном был, наглым до невозможности. А через два года стал майором и тоже в обход меня. В полк обращается только по вопросам снабжения и выбивает все до динария. Мои тыловики от него стонут, но сделать ничего не могут. Инспектируют его каждый год – ни одного нарушения. Пытались эти мерзавцы на него в Париж жаловаться, в ответ мне такое письмо оттуда пришло, что до сих пор вспоминать не хочется. Так что я с ним не знаком и знакомиться не собираюсь.

Что же, подумал де Комон, надо принимать решение. Итак, имеем две взаимоисключающие информации, полученные от двух столичных ставленников. Один – от военного министра, другой от де Шутта. И кто из них прав – черт его знает. Проверить бы... Да не выйдет. Даже голубя посылать поздно.

– Давайте еще раз переговорим с курьером, – предложил де Комон, по-крестьянски почесывая затылок, – по крайней мере, пойдем, что творится в крепости.

Однако в замке того не оказалось. Оглушенные криками графа и взбодренные зуботычинами маршала адъютанты нашли его, следующего под конвоем на допрос к шевалье де Ворму. Конвоиры, трое хмурых мужчин неопределенного возраста и неприметной наружности, попытались возражать, вроде как они в армии не служат и вообще у них свое начальство, но с уважением отнеслись к пяти направленным на них шпагам. И несчастный капрал, освещая помещение невероятным по сочности синяком, предстал перед могущественными вельможами.

– Ты, парень, откуда родом? – с отеческой интонацией бывалого командира начал де Комон.

– Здешний я, из Тулузы, ваша сиятельство. У меня и жена отсюда, и вся родня здесь проживает.

– Это очень хорошо, капрал, просто отлично. А вот теперь расскажи, ты знаешь, что было написано в донесении?

– А как же! Я же вместе с господином майором за кордон ходил. Пятеро нас было – господин майор, сержант Ажан, я и двое солдат. Вот нас троих в курьеры определили. То есть солдат и меня. А господин майор, когда меня отправлял, сказал, что везу я доклад о том кастильском лагере. Ох и большущий это лагерь, ваше сиятельство! Я таких и не видел никогда. И народу там! И солдаты, и лошади, и телеги. Даже пушки – девять штук, точно-точно, я считать умею.

– Сколько все же палаток?

– Вот тут точно не скажу. Они, на самом деле, не одним лагерем стоят. А вроде шестью, их с одного места и не увидишь. Господин майор с господином сержантом долго считали, а я точно не знаю, но много. Я видел окситанский полк на полевом лагере, так там палаток не сравнить, насколько больше. Вот что точно скажу – восемь знамен видел. Одно у кавалеристов, шесть вроде как полковые и одно в центре, кастильское.

– Ну смотри, капрал. Если правду сказал – награжу, но если соврал – ни тебе, ни жене, ни детям твоим не жить, – закончил разговор маршал. – Адъютант, арестовать, глаз не спускать, головой за него отвечаешь.

Вот после этого разговора и было принято решение, подарившее защитникам Сен-Беа шанс выжить. Наутро курьер увез в Перпеньян приказ готовиться к встрече кастильской армии, занять удобные позиции и активной обороной не допустить прорыва противника в Окситанию.

А де Комон, лично возглавив Окситанский полк, выдвинулся в направлении Сен-Беа. Расчет на то, что маршал уведет его на юг к Перпеньяну, провалился. Собственно, этим маневром исход боевых действий был предрешен, о чем пока никто, включая самого маршала, не знал. И солдаты с обеих сторон продолжали

готовиться убивать и умирать в этой, по сути, уже бессмысленной войне.

Глава VII

Все-таки человек так устроен, что не верит в грядущие катастрофы. Мы устраиваем застолья за день до прихода урагана или играем свадьбу перед смертельной битвой. А что, это же еще не началось, так давайте проживем еще один день счастливо, а там, глядишь, все будет хорошо. Ну бывают же чудеса! Ну хоть иногда...

Примерно так рассуждали офицеры крепости Сен-Беа, собираясь в таверну на день рождения жены лейтенанта де Фье. Разумеется, они не были наивными простофилями, готовыми оставить гарнизон без командования накануне войны. Но днем, во время обеда, почему нет? От таверны до крепости полчаса пешком, да и дел-то всего – поздравить женщину, вручить подарки, выпить по бокалу вина, ну и, заодно, пообедать. Всего-то час – полтора. Рассиживаться некогда, у всех дел невпроворот.

Да и порядок никто нарушать не собирался. Де Баон официально назначил на этот час исполняющим обязанности коменданта сержанта Ажана, оговорил пароль при возвращении – «Шампань», отзыв – «Дижон», и дружная офицерская компания отправилась праздновать. Но не вся. Утром де Савьер из-за какого-то пустяка умудрился вдребезги разругаться с де Фье и, несмотря на приглашение, остался в крепости лелеять свое самолюбие.

Однако гулянка затянулась. Через три часа Жан отправил в таверну вестового, который, вернувшись, четко доложил, что был послан в... на... и к... То же самое доложили вестовые, посланные через и четыре, и пять часов.

Только когда сгустились сумерки, к закрытым воротам крепости подошли вдребезги пьяные де Баон с де Фье во главе батальона под галлийским знаменем и, поминая всех святых вперемешку с чертями, потребовали открыть ворота и пропустить их и следовавший за ними отряд, присланный на усиление мудрым маршалом де Комоном.

А находившийся на крепостной стене Жан в душе прочел молитву за упокой душ своих командиров и, вероятно, несчастной именинницы. И дело было не в том, что де Баон при жизни никогда не ругался именами святых. Ругался виртуозно, но не так. Все было страшней. Своим магическим зрением он увидел над головами офицеров свечение, спутать которое не мог нигде и ни с чем. И коричневые нити, уходящие от этих уже не людей – зомби. В ущелье у деревни Фаж это была женщина и трое детей. Здесь – офицеры, с которыми еще днем разговаривал, даже позволил себе шутить.

– Лейтенанта де Савьера сюда, срочно, – приказал он ближайшему солдату, а после краткой паузы добавил: – И командиров взводов.

– Господин лейтенант, мне кажется, или офицеры под заклятием? – спросил Жан, когда все поднялись к нему на стену.

– Да пьяные они, не видишь, что ли? Как тебе такое в голову пришло? Тоже мне, маг-любитель от сохи.

– Напиться сейчас? Только не де Баон и не де Фье. Они могут выпить, и крепко, но никогда перед построением. Не было такого за два года. Тем более в такой обстановке, когда война на носу. И ругается де Баон необычно, не как всегда. Все сегодня с ними не как всегда. Ни разу де Баон на вестовых не кричал. Его однажды с бабы сняли, так на орехи досталось всем, дежурный сержант потом неделю икал, но к вестовому претензий не было. Я слышал о заклятии тихого слуги, вы уверены, что это не оно?

– Чего?! Мальчик, это заклятие не всем выпускникам Морле под силу, ты вообще представляешь, о чем говоришь? Чтобы в нашей дыре нашлось два боевых мага такой силы? Забудь, для тебя это только сказки. Открывай ворота и иди проспись, сам небось напиться уже успел.

Ну и как с таким разговаривать? А ведь даже плюнуть с досады нельзя – нечего людей перед боем нервировать.

– Господа сержанты, боевая тревога. Гарнизон в полную боевую готовность, всем занять места согласно плану обороны. Только тихо, чтобы никаких криков и, не дай бог, сигнала трубы. Исполнять!

Командиров взводов как ветром сдуло. Да, как и маг, они не понимали происходящего, но подчинились беспрекословно, как намертво заучили во время бесконечных тренировок.

И едва солдаты расположились на стене, Жан прокричал:

- Шампань!

- Дижон! - правильно ответил «де Фье».

И тут же:

- Клиссон! - прокричал «де Баон».

Мгновенно тела офицеров даже не упали, они сложились, как отпущенные кукловодом марионетки. Упало галлийское знамя и поднялось кастильское, первые шеренги расступились и к стенам замка бросился отряд с невесть откуда взявшимися штурмовыми лестницами. Если бы галлийцы открыли ворота, судьба крепости была решена.

Но это если бы. Однако лестницы все же приставлены, ударные группы прикрывает плотный мушкетный огонь, яростная, профессиональная атака... Но к ней были готовы - тяжелые лестницы сбрасываются заранее приготовленными рогатинами, ответный мушкетный залп сверху, практически в упор, страшным ураганом выкашивает ряды атакующих, со стороны защитников слышны четкие команды командиров. Все ясно - попытка захвата крепости с ходу провалилась, надо отводить оставшихся и переходить к осаде, чего кастильское командование стремилось избежать всеми силами. Обидно, но не страшно, такой вариант предусмотрен, а у галлийцев выбиты офицеры, если, конечно, не считать мага, но он же не командир, его к другому готовили, так что не все потеряно - долго крепости не продержаться.

- Жан, извини, был не прав, - обратился де Савьер после боя.

- Принято, господин лейтенант. И еще, с этой минуты я сержант Ажан, комендант крепости Сен-Беа. Нам в ближайшее время будет тяжело, смертельно тяжело, и субординация - это лишний шанс для всех остаться живыми.

– Понял, господин комендант! Какие будут приказания? – четко, без капли иронии в голосе спросил маг.

– Лично вам – отдыхать. Завтра потребуются все ваши силы. Помните, вы наш главный резерв. Поэтому во время боя находиться рядом со мной, вступать в драку только по моей команде.

Все действия гарнизона в сложившейся ситуации были отработаны и не требовали специального вмешательства Ажана. Пришлось назначить командира артиллеристов взамен очевидно погибшего офицера и своего преемника на посту командира взвода. И ждать. Это очень трудно – ждать начала атаки и не иметь возможности что-либо изменить.

Ночью Жан, на правах коменданта, перечитывал переписку де Баона. Без какой-либо цели, так, чтобы отвлечься от тоски. И в одном из ящиков стола, среди бумаг, приготовленных для сожжения, нашел приказ. Майор счел его формальной бумажкой, разосланной каким-то клерком по всей стране в надежде, что где-то что-то получится. Нет, ну правда, откуда в этих горах было взяться... незаконнорожденному принцу Галлии! Вообще-то предыдущий король особой верностью жене не страдал и бастардов успел настрогать немало. Но все они были вроде как бастардами официальными, а вот один умудрился затеряться. И предписывалось де Баону, как, очевидно, и многим и многим его коллегам, того принца найти, арестовать и под конвоем(!) отправить в столицу.

Вот так просто – арестовать и отконвоировать. Брата короля. Утешало одно – о парне было известно только, что ему восемнадцать лет и он может быть похож на Его Величество. А по таким приметам искать можно долго и с заранее известным результатом.

И только Жан, знавший об идентичности аур короля и де Савьера, понял, что именно с этим принцем ему завтра идти в бой. А потому арестовывать его не собирался ни завтра, ни когда-нибудь вообще.

Следующий день начался с артиллерийской дуэли. Единственным местом, пригодным для установки четырех осадных орудий кастильцев, оказался поворот дороги, почти под выступом скалы, в которой галлийцы заложили фугас. Но именно что почти – в случае взрыва пушки оказывались вне зоны поражения, ближе к крепости. Таким образом, противник сразу получил

преимущество – на таком расстоянии картечь была бесполезна, а вероятность попадания в его орудия ядрами – не высока, практически ничтожна. Одно радовало – толку от обстрела стен тоже было мало. Осадные орудия эффективны метров с трехсот, не допустить их на это расстояние галлийцам было вполне по силам.

Более того, под обстрелом оказалась боковая, примыкающая к скале стена. Ворота же, самое уязвимое место обороны, находились в центре главной, практически неприступной стены, что протянулась параллельно реке и дороге. И подойти к ним можно либо по крутому склону, либо по длинной, извилистой, отлично простреливаемой тропе.

Так что всю крепостную артиллерию Ажан с чистой совестью сосредоточил против пушек противника. Чего, как оказалось, кастильцы и добивались.

Дорога в ущелье идет по правому берегу Гаронны. Он более пологий, что и позволило построить на нем и крепость, и, немного дальше от границы, сам поселок. Левый берег для войск непроходим. Но это для войск, а маги с небольшой охраной, как оказалось, смогли по нему пройти и расположиться напротив крепости. Из мушкетов их не достать, из пушки попасть по одному человеку невозможно.

Главная сила магов – точность и скорострельность. И страх. Летящие с воем ядра страшны, но понятны. На выстрелы можно отвечать выстрелом, а что делать, когда вокруг тебя вспыхивает воздух? Дворяне еще могут увидеть летящие огненные шары, а как быть простолюдинам? Вот только что все было тихо, и вдруг стоящий рядом человек сгорает в магическом пламени. Или с грохотом сотрясается стена, из которой вылетает кладка, рушатся защитные зубцы, давя защитников, словно перезрелые ягоды.

Стена, обращенная к реке, считавшаяся неприступной, оказалась под главным ударом. Солдат пришлось отправить вниз, Жан и де Савьер остались вдвоем.

– Лейтенант, не пытайтесь отбивать заклятия, уводите их в сторону! Вниз, вверх – главное, чтобы не попадали в стену!

– Понял, не дурак! Командир, а вы здесь зачем? Только мешаете! – прокричал маг.

А дальше ему стало не до разговоров. Удары кастильцы наносили слаженно, точно. Попытайся де Савьер вступить в прямую дуэль, он продержался бы минут пятнадцать. Но и сосредоточившись на отводе заклятий, его резерва хватило ненадолго. Однако у защитников крепости нашелся свой козырь – возможность Жана работать с чужой магией. Увлеченный схваткой, лейтенант не заметил, что в сторону улетают даже те заклятья, отклонить которые он сам не успевал.

Да, не так эффективно, но свою часть работы Жан делал. А главное, он смог направлять часть магии из вражеских заклятий на подпитку де Савьера. Тем не менее ближе к вечеру лейтенант оказался на той грани истощения, за которой смерть мага неизбежна. Пришлось отправить его в казарму, а самому остаться отбивать удары. К счастью, то ли силы противников оказались на исходе, то ли они побоялись оставаться ночью на негостеприимном левом берегу, во всяком случае, с наступлением сумерек магические атаки прекратились. Юный комендант смог перейти на стену, подвергавшуюся артиллерийскому обстрелу, и понял, что командир гарнизона из него неважный. В пылу сражения с магами он абсолютно не контролировал действия кастильских солдат. А те умудрились построить на убойном расстоянии перед крепостью полноценные флешы, куда осталось только подвести осадные орудия.

«Два дня мы были в перестрелке, что толку в этакой безделке»[4 - М. Лермонтов. «Бородино».] – вспомнились строки из прошлой жизни. Счастливые, у них были эти два дня, а здесь придется умирать уже завтра. Что же, вечной жизни не бывает, но побороться с костлявой надо. Иначе зачем в крепости санитары? И на плацу, назло всем уставам, были установлены чаны, в которых кипятились бинты и вата, точнее ленты мягкой ткани и корпия – других перевязочных материалов этот мир еще не знал. Как не представляли бойцы тылового капральства, зачем их заставили чуть не до блеска вымыть караулку – самое большое после казармы помещение замка. Ясно, что для госпиталя, но по большому счету не все ли равно раненым? А командир свирепствовал, не стесняясь ни в выражениях, ни, прости господи, в тумачах. Никогда за ним такого не замечали – видать, власть юнцу голову вскружила. Но рука у парня тяжелая, так что чистили и мыли хоть и за страх, но на совесть.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дерсу Узала – герой романа В. Арсентьева «По Уссурийскому краю. Дерсу Узала».

2

А. Суворов. «Наука побеждать».

3

Renard (франц.) – лиса; gaspard (франц. арг.) – крыса.

4

М. Лермонтов. «Бородино».

Купить: https://telnovel.me/ru/grishin_aleksey/put-oficera

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)